

Переписка

Автор:

Николай Лесков

Переписка

Николай Семёнович Лесков

«...Милостивый государь! В № 23 «Новостей» от 24 апреля воспроизведен отрывок из моих воспоминаний о «предобром отце Ефиме». Я очень рад, что праведная память этого великодушного человека обращает на себя внимание печати и через то делается известною большому числу людей...»

Николай Лесков

Переписка

О русском левше

(Литературное объяснение)

Моя небольшая книжечка «О тульском левше и о стальной блохе» вызвала несколько литературных отзывов, из которых два убеждают меня в надобности сделать маленькое объяснение.

Говоря это, я разумею отзывы «Нового времени», которое нашло, что в моем рассказе народ несколько принижен, и отзыв «Голоса», которому кажется, что в этом рассказе народ очень польщен. Притом, как рецензенты «Нового времени» и «Голоса», так и все другие, высказавшие свое мнение о «левше», в одно слово

утверждают, будто сказ о левше есть «легенда старая и общеизвестная».

Это требует поправки, и я прошу позволения ее сделать.

Все, что есть чисто народного в «сказе о тульском левше и стальной блохе», заключается в следующей шутке или прибаутке: «англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали да им назад отослали». Более ничего нет «о блохе», а о «левше», как о герое всей истории ее и о выразителе русского народа, нет никаких народных сказов, и я считаю невозможным, что об нем кто-нибудь «давно слышал», потому что, – приходится признаться, – я весь этот рассказ сочинил в мае месяце прошлого года, и левша есть лицо мною выдуманное. Что же касается самой подкованной туляками английской блохи, то это совсем не легенда, а коротенькая шутка или прибаутка, вроде «немецкой обезьяны», которую «немец выдумал», да она садиться не могла (все прыгала), а московский меховщик «взял да ей хвост пришил, – она и села».

В этой обезьяне и в блохе даже одна и та же идея и один и тот же тон, в котором похвальбы могло быть гораздо менее, чем мягкой иронии над своею способностью усовершенствовать всякую заморскую хитрость.

Рецензент «Нового времени» замечает, что в левше я имел мысль вывести не одного человека, а что там, где стоит «левша», надо читать «русский народ».

Я не стану оспаривать, что такая обобщающая мысль действительно не чужда моему вымыслу, но не могу принять без возражения укоры за желание принизить русский народ или польстить ему.

Ни того, ни другого не было в моих намерениях, и я даже недоумеваю, из чего могли быть выведены такие крайне противоречивые заключения. Левша сметлив, переимчив, даже искусен, но он «расчет силы не знает, потому что в науках не зашелся и вместо четырех правил сложения из арифметики все бредет еще по псалтырю да по полусоннику». Он видит, как в Англии тому, кто трудится, – все абсолютные обстоятельства в жизни лучше открыты, но сам все-таки стремится к родине и все хочет два слова сказать «государю о том, что не так делается, как надо», но это левше не удастся, потому что его на «парат роняют». В этом все дело.

Я никак не могу согласиться, чтобы в такой фабуле была какая-нибудь лесть народу или желание принизить русских людей в лице «левши». Во всяком случае, я не имел такого намерения.

Николай Лесков.

10 июня 1882 г.

С.-Петербург.

Письмо в редакцию

(Об отчислении Н. С. Лескова «без прошения» от службы в Ученом комитете министерства народного просвещения)

Малозначительное событие – оставление мною службы в Ученом комитете министерства народного просвещения – неожиданно для меня сделалось предметом разнообразных толков, которые частью проникли в печать и, как у нас сказано, – «возбуждают недоумение», которое я имею побуждение разъяснить.

Я отчислен от министерства «без прошения» по причинам, лежащим совершенно вне моей служебной деятельности, которая в течение десяти лет признавалась полезною и никогда не привлекла мне никакого упрека и ни одного замечания при трех министрах: графе Д. А. Толстом, А. А. Сабурове и бароне Николаи. Для оставления службы мне не вменено никакой вины, а указана только «несовместимость» моих литературных занятий с службою.

Ничего более.

В том, что я отчислен не по прошению, а «без прошения», тоже нет ничего меня порочащего или обидного. Мне была предоставлена полная возможность отчислиться по той форме, которая обыкновенно признается удобнейшею, но я сам предпочел ту, которая, на мой взгляд, более верна истинному ходу дела.

Этим, я надеюсь, могут быть разъяснены все «недоумения» моих ближайших и дальних друзей и недругов.

Николай Лесков.

8 марта 1883 г.

С.-Петербург.

Письмо в редакцию

К прискорбию для себя и к очевидной досаде редакции, может быть и для некоторых читателей, я должен отказаться продолжать печатание начатого у Вас романа «Соколий перелет». Я сознаю всю неловкость этого отказа, но не могу поступить иначе. Роман этот начат писанием давно – более двух лет назад, при обстоятельствах, которые для печати весьма разнятся от нынешних. В романе я хотел изобразить «перелет» от идей, отмеченных мною двадцать лет назад в романе «Некуда», – к идеям новейшего времени. В романе «Соколий перелет» также должны были выступить на свет и многие из лиц, известных публике по роману «Некуда», который в одной из критических заметок г-на П. Щ^ебальского был назван «пророческим». Во многом действительно намеченное в том романе совершилось как по писаному. Каков бы показался в этом общественном значении роман «Соколий перелет», – я не знаю; но я хорошо знаю, что он не пошел бы в тон нынешнему взгляду на литературу, и во что бы то ни стало я останавливаюсь. Останавливаюсь просто потому, что, – верно или неверно, – я нахожу эту пору совершенно неудобною для общественного романа, написанного правдиво, как я стараюсь по крайней мере писать, не подчиняясь ни партийным, ни каким другим давлениям.

Приношу этим письмом мою повинную редакции и всем подписчикам газеты.

Взамен этого романа я напишу Вам и сообщу в нынешнем же году для напечатания роман чисто бытового характера, на мотив всегда удобных для разработки положений: «Влюбился и женился» или «Влюбился и застрелился».

Конечно, я употребляю все от меня зависящее, чтобы обмен этот не был для ваших подписчиков невыгоден, и постараюсь дать интересное чтение.

Николай Лесков

С.-Петербург.

10 марта 1883 г.

Письмо в редакцию

О Ефиме Ботвиновском

Милостивый государь! В № 23 «Новостей» от 24 апреля воспроизведен отрывок из моих воспоминаний о «предобром отце Ефиме». Я очень рад, что праведная память этого великодушного человека обращает на себя внимание печати и через то делается известною большому числу людей. Доброго и великодушного человека всегда помянуть полезно, но в моем рассказе об отце Ботвиновском есть вещи, которые могут казаться и действительно кажутся вполне несбыточными и невероятными. Это и совершенно понятно по чрезвычайной непосредственности характера описываемого лица, которое было столь оригинально, что я непременно должен был представить его характеристику в таком органе, редакции которого удивительный и неимоверный отец Ботвиновский и все о нем сообщаемое были так же близко известны, как и мне. «Предобрый Ефим» был мне друг и также в дружбе находился с епископом Филаретом Филаретовым и с Феофаном Гавриловичем Лебединцевым, нынешним редактором выходящего в Киеве журнала «Киевская старина». Сему последнему я и отдал мои «юношеские воспоминания», в составе которых «предобрый Ефим» составляет только эпизод. Но давая «Ефима» «Киевской старине», я просил Ф. Г. Лебединцева не полагаться без проверки на мою память и по возможности поверить мои сказания и особенно невероятные из них (как, например, погребение дамы под престолом Троицкой церкви) подкрепить заверением или же вовсе выпустить. Редактор «Киевской старины» исполнил мою просьбу с доброй приязнью и рассказы мои о Ефиме проверил и сделал о том от себя удостоверение («Киевская старина», апрель 1883 г., стр. 700). Это для меня, по очень многим и очень солидным причинам, – важно и даже необходимо.

«Церковно-общественный вестник» Ал. Ив. Поповицкого воспроизвел рассказ об отце Ефиме из «Киевской старины» (с моего согласия), но при перепечатке опустил имеющее для меня большое значение подстрочное примечание редактора «Киевской старины» Ф. Г. Лебединцева. Этим у рассказа отбавилось достоверности, на которой я непременно желаю настаивать. «Новости» заимствовали рассказ мой о «предобром» Ефиме из «Церковно-общественного вестника», и потому, конечно, совсем не могли указать на то, чем дело удостоверено.

Я уже просил А. И. Поповицкого дать место моим строкам, которые бы содержали желательное мне пояснение, и вас имею честь просить о том же самом.

Николай Лесков.

<24-26 апреля 1883 г.>

Письмо в редакцию

Милостивый государь

г. редактор.

В 20 № московской «Газеты Гатцука» напечатана заметка, в которой между прочим сравниваются мои литературные коварства с чистосердечием, которое обнаружил по отношению митрополита Филофея писатель Третий Филиппов, имевший свою роль в деле Булах.

Эту статью и приведенное в ней четверостишие приписывают мне.

А как я этой статьи не писал и имею свои причины желать, чтобы на мой счет ни теперь, ни после не было поставлено ничто, написанное о г-не Филиппове безыменно, и в раздражении, и в обиде, для которых в названной статье указаны поводы, то в некоторых литературных целях я имею честь просить вас, г.

редактор, дать мне возможность объяснить в вашем издании, что я названной статьи о г-не Филиппове не писал и не мною тоже сочинено четверостишие, оканчивающееся строками:

И дорогое имя Тертия.

Блестит уже в лучах бессмертия.

Мне об этом стихотворении известно только то, что известно очень многим в нашей столице, то есть что стихотворение это начертано под портретом г-на Филиппова, который он довольно охотно показывает.

Сколько я помню об этом стихотворном начертании, мне кажется, что «имя Тертия» там названо не «дорогое», а «всеблагое». Впрочем, который из вариантов вернее, – я не знаю.

Николай Лесков.

С.-Петербург,

29 мая 1884 г.

Письмо в редакцию

Об обеде Н. С. Лескову

В 44 № «Еженедельного обозрения» упоминается о намерении почтить меня каким-то знаком внимания по поводу исполнившегося двадцатипятилетия моих занятий литературою. Там сказано, что намерение это «отложено» на 1885 год.

Дозвольте мне сказать, что это намерение не отложено, а совсем оставлено, по усердной моей просьбе, для которой я имел уважительные, в моих глазах, причины.

Николай Лесков.

15 октября 1884 г.

С.-Петербург.

Авторское признание

Открытое письмо к П. К. Щербальскому

Давняя и, смею надеяться, искренняя литературная приязнь наша сказалась с Вашей стороны очень дорогим для меня вниманием. Мне присланы 248, 249 и 252 №№ «Варшавского дневника», где напечатаны критические статьи о моих сочинениях. Это пришлось как раз ко времени совершившегося двадцатипятилетия моих занятий литературою. Внимание чрезвычайно милое и мне необыкновенно приятное. Старый испытанный друг, живя вдалеке, на окраине вспомнил меня и помянул не злом и не клеветою, которых я перенес немало. Но дороже всего мне то, что дружба Ваша высказалась ко мне не только снисходительно, но и оправдательно. Я говорю об отношении Вашем к одному много раз воздымавшемуся против меня обвинению, которое я имею основание считать несправедливым и незаслуженным. В статьях Вашей газеты сказано, что я большею частью списывал живые лица и передавал действительные истории. Кто бы ни был автор этих статей, – он совершенно прав. У меня есть наблюдательность и, может быть, есть некоторая способность анализировать чувства и побуждения, но у меня мало фантазии. Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплощать их в рассказах, в основу которых тоже весьма часто клал действительное событие. Так почти написано все, а по преимуществу роман «Некуда», в котором, однако, критики упорно желают видеть тенденциозность. Вы знаете и многим известно, что этот роман представляет многие действительные события, имевшие в свое время место в некоторых московских и петербургских кружках. Я терпел самые тяжелые укоризны именно за то, что списал то, что было, и потом это же самое вменено мне в «тенденциозность», которую попрекают меня и доселе. Тенденция от французского *tendance* или от латинского *tendere* значит тянуть, стремиться, иметь склонность, направление. К чему же я тянул в «Некуда»? Об этом пора сказать, и я хочу это сказать именно у Вас – в газете человека,

который ближе многих знает мои убеждения. Я ни к чему не тянул. Я только или описывал виденное и слышанное, или же развивал характеры, взятые из действительности. Я даже действовал во вред той тенденции, которую мне приписывают, и теперь сам покажу это. Роман «Некуда» считается самым противосоциальным, и между тем едва ли не в нем в одном представлен в лице Райнера молодой социалист с доброю душой и с нежными, честными побуждениями. Я не разделял и не разделяю социалистических стремлений, но я написал такое симпатическое лицо потому, что я видел перед собою такого живого человека, жившего среди нас во время, которое представл^яет мой рассказ. <Это> уроженец того края, где вы теперь трудитесь, – это был Артур Бенни, сын протестантского пастора из Томашева Равского, с которым нас соединяла горячая дружба, несмотря на коренное несходство нашего политического идеала. Он был оклеветан в Петербурге теми, которые с ним единомыслили, был выслан из России и потом убит под Ментаной в гарибальдийском отряде. Я никогда не разделял его утопий, но я знал его чистым и прекрасным юношей, который трогал своих судей своим благородным чистосердечием, и я таким его изобразил в вымышленном лице Райнера. Таким же после его смерти я представил его и под собственным его именем в книжке «Загадочный человек», которую я написал по совету Ив<ана>, Серг<еевича> Тургенева. Если бы тенденциозность или желание «тянуть» господствовало во мне над желанием изобразить правдивую картину тогдашних нравов, – я думаю, мне незачем было привлекать к делу лицо столь симпатичное, несмотря на то, что заботы его жизни не казались мне достойными подражания. И тем не менее я его написал с любовью, как тип, выражавший данное время и данный ассортимент характеров. Так поступал я и всегда и во всем, что мною написано. Я сберегал хорошее в каждом лице и думал, что в этом есть долг правдивого писателя, каким я по крайней мере старался быть. Отрицательные типы действительно я писал хуже, чем положительные, потому что мне тяжело изображать такие характеры, не гармонирующие с моим личным настроением, но все же я не мог рисовать без теней, по-китайски. В моей памяти накопились лица такие и иные... И как могло быть это иначе?.. И вот это-то я хотел бы с вашего позволения поставить теперь на вид автору напечатанных у вас обо мне статей. При всей его ко мне внимательности он, кажется упустил из вида, например, то, что в книге «Мелочи архиерейской жизни» есть пленительно добрый Филарет Амфитеатров, умный Иоанн Соловьев, кроткий Неофит и множество добрых черт в других персонажах. Мне очень жаль, что это обыкновенно опускается и что у Вас случилось то же самое. Правдивое слово на этот счет не было бы лишним для тех, кто, порицая в художнике тенденцию, сам не замечает, что сам же он и требует от меня односторонности или тенденциозности, вполне неудобной для писателя, желающего оставить

истинные картины нравов своего времени. Как директор политической органа, вы, может быть, смотрите на некоторые вещи иначе, чем я, и я готов признать за вашим взглядом превосходство, но сам я желаю остаться только тем, чем есть и чем могу быть, то есть художником, изображающим то, что подпадает моему наблюдению. Я что вижу, то и пишу, и очень вам благодарен, что вы, единственный старый литературный друг мой, высказали его с тем прекрасным чистосердечием, которое давно и навсегда заставило меня любить и уважать вас. Поверьте, что ваш критик не обманулся; поверьте, что если бы меня «тянула» не любовь к выражению житейской правды, а «тенденция», то я иначе бы нашелся когда и куда потянуть. Я никогда об этом не думал.

Николай Лесков.

С.-Петербург.

10 декабря 1884 г.

Объяснение по трем пунктам

Когда оскудевает материал, доступный для литературной разработки, гг. писатели нередко обращаются к очищению критикою собственного литературного кружка. Мне в свое время приходилось много послужить собою для такой потребности и ныне опять довелось стать на очередь: с трех сторон летит в мое окно «крылатое слово». Во-первых, одно издание, при розыске, «до чего дошла наша литература», ставит, не знаю в который раз, на вид объявление об «указке», составленной мною для отыскания данных мест в св. писании. Это почему-то представляется за дело, недостойное литератора, – за дело, которое будто бы унижает литературу. Другой журнал недоволен встречей моего имени во многих изданиях и говорит, что я «сделал из моей музы потаскушку». Третий видит дурное в том, что я «воспользовался случаем в Якобштадте и тотчас пустил язвительную статью, которая связывает настоящее с прошлым». Это говорится о столкновении в Вейсенштейне, в 1867 году, которое описано мною в «Историческом вестнике» за февраль 1885 года.

Я чувствую потребность объясниться по всем этим трем обвинениям.

§ 1. Я действительно составил «указку», с помощью которой всякий может без затруднения отыскать требуемое место в Новом завете. Я тоже и напечатал эту «указку» в виде «полосок», которые можно удобно держать в книге, как закладку. Во всем этом я признаюсь. Причина, побудившая меня напечатать такую указку, была следующая: в учебных заведениях одно время стали упражнять детей в изучении св. писания и спрашивали ответы, за которые ставили отметки, а пособия, вроде указки, не давали. Это детей очень затрудняло. Помнит дитя, что есть такое слово в св. писании, а отыскать его не умеет. У меня жил милый ребенок, и я видел его затруднения и терзался ими. Потому я захотел помочь дитяти и составил для него указку. Указка моя полюбилась другим детям, и я издал ее для общего пользования (по 2 коп. за штуку, – из коих 1 коп. идет книгопродавцу). Я думал, что я этим не сделал ничего худого ни для детей, ни для взрослых, которые тоже берут мои указки, и о сю пору не понимаю – что худого в том, что я издал указку? Не могу понять, кого я этим обидел и у кого должен просить прощения? Всех откровеннее разъяснил это с самого начала литератор, писавший в «Петербургской газете» под псевдонимом «Оса». Он первый заметил мою указку и первый в свое время посмеялся надо мною в «Петербургской газете». По его словам, дурно было то, что я «взялся за поповское дело», но это несправедливо: из русского духовенства никто такой указки не составлял и не издавал. В данном случае я просто сделал такое маленькое дело, которое вызывалось потребностью и которого между тем никто не делал. Но если даже есть основания считать это и за «поповское дело», то это до меня не касается и я не вижу в этом такого крайнего проступка, который стоило бы из года в год каждый великий пост причитать: «Вот до чего дошла наша литература!»

Может быть, можно указать случаи, где она доходит до чего-нибудь гораздо более предосудительного.

Я имел в виду одну детскую пользу и важность евангелия, в котором, по моему убеждению, сокрыт глубочайший смысл жизни.

§ 2. Имя мое, как говорят, «треплется и веется», – «муза моя пущена, как уличная потаскушка». Это сказано сильно, но несправедливо. «Потаскушка» в данном случае заменяет другое слово, которое в печати тоже употребляется, но не поставлено, очевидно, из некоторой ко мне снисходительности. Автор пощадил меня, что называется, «по старой памяти». В том смысле, в котором слово «потаскушка» употреблено применительно к моей «музе», оно должно выражать неразборчивость, склонность вращаться, где попало. Моя муза будто

идет, куда ее поманут. Стало быть, она продажна...

Если уж пошло на сравнения, то «муза» моя не похожа на «потаскушку», ибо – она своих ласок не продавала и не продает. Ее положение, кажется, гораздо удобнее сравнить с положением скромной девушки, которая умеет делать изрядные работы, но не желает исполнять их по всякому фасону. Чтобы не сидеть без дела и не щеголять ни безстудием лица, ни постною харею, она покрылась простым платочком и ходит на поденщину...

Мне кажется, что она сделала еще не самое худшее из того, между чем ей предстояло выбирать. Лучше работать по-рыночному, кому попало, чем с притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленного штандарта.

§ 3. Статью «Подмен виновных», может быть, и есть возможность привести в какое-нибудь историческое соотношение с недавним яacobштадтским происшествием, но я не имел этого в виду и могу это доказать.

Статья «Подмен виновных», напечатанная в февральской книге «Исторического вестника», была мною написана тогда, когда о яacobштадтском случае еще и слуха не было. Статья эта, содержащая рассказ о событии, имевшем место восемнадцать лет назад, была написана мною прошлым летом. Осенью она уже была отдана в редакцию журнала «Новь» и оттуда возвращена мне г. Вольфом в числе других моих рассказов, целиком не пропущенных для «Нови» цензурою. В «Историческом вестнике» статья эта была не только набрана, но даже и отпечатана прежде, чем случилось что-то в Яacobштадте. В этом я пошлюсь как на А. М. Вольфа, так и на редактора «Исторического вестника», С. Н. Шубинского. Двух свидетелей, полагаю, достаточно.

За сим писанный кланяюсь

Николай Лесков.

<1885>

<В редакцию журнала «Новь»>

Милостивый государь Александр Маврикиевич!

Мой роман «Незаметный след» остался неоконченным. Печатание его оборвалось на первой части, что крайне неприятно как лично для меня, так равно для читателей и редакции «Нови».

Приступая к печатанию моего романа, редакция «Нови» была гарантирована письменным условием между мною – автором романа, и вами – редактором-издателем «Нови», в своевременном доставлении всего романа, так что печатание «Незаметного следа» должно было окончиться еще в марте.

Но разные неблагоприятные обстоятельства, о которых неуместно было бы говорить здесь, – помешали мне исполнить принятое мною на себя обязательство. Единственно по моей вине редакция «Нови», окончив печатание первой части романа, не могла напечатать окончание его, – в чем я и извиняюсь перед читателями журнала, а также и перед редакцией, которую я, совершенно неожиданно для самого себя, поставил в такое неловкое положение в отношении подписчиков журнала.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении.

Н. Лесков.

<Сентябрь 1885 г.>

Чужое заглавие

(Письмо в редакцию)

Позвольте мне сделать заявление, к которому я вынужден довольно странным поступком одной маленькой издательской фирмы.

В текущем 1887 году, по весне, книгопродавческая фирма М. О. Вольф выпустила книжку моих «Рассказов кстати». Это были фельетонные рассказы, написанные а пророс, по поводу того или другого из современных происшествий. Потому они и названы «Рассказы кстати». Цена их 2 руб. 50 коп.

Ныне же фирма Вольф прислала мне книжку, вышедшую на сих днях в Москве, под тем же самым моим заглавием: «Рассказы кстати», с ценою 1 руб. 25 коп. Кто автор названных московских рассказов, – я не знаю, а издателем ее обозначена фирма «Сверчок».

В интересах моего издателя я нахожу вынужденным заявить, что московские «Рассказы кстати» писаны не мною и что на эксплуатацию заглавия, под которым мои рассказы были писаны и потом отдельно изданы, – у меня никто согласия не спрашивал.

Николай Лесков.

12 октября 1887 г.

Петербург.

<Письмо в редакцию «Нового времени»>

Усвоение московской книжке тождественного названия с моею книжкою, изданною в Петербурге Вольфом, было неприятно не мне, а моему издателю. Я был того мнения, что всякий протест в этом случае бесполезен, так как лицо, о котором приходилось упоминать, очевидно держится того взгляда, что в издательстве можно считать позволительным и пристойным все, что не наказуемо по закону. Нынешнее письмо московских издателей должно убедить людей, ранее не согласных со мною, что мои соображения были верны.

Свое вынужденное и очень краткое заявление я ограничил тем, что тождественность заглавия назвал явлением «странным», а о самых московских рассказах сказал только, что «они писаны не мною» и что о присвоении им заглавия моей книжки «меня никто не спрашивал».

Мне кажется, что все это правда и что в словах моих нет никакого принижения чести вовсе неизвестной мне московской фирмы.

Все остальное в письме этих господ можно оставить без дальнейшего слова.

Николай Лесков.

<1887>

Товарищеский подарок

(Письмо в редакцию)

В «Новом времени», 2-го октября, напечатана заметка г. Петербуржца о юбилейных подарках писателям, и при этом сделано указание на вышедшую на сих днях из печати «Библиографию» моих литературных работ с 1860 по 1887 год. Г-н Петербуржец находит, что такие библиографии были бы уместны во всех тех случаях, когда собираются чествовать заслуги писателя, но у нас об этом «должен похлопотать сам юбиляр, как похлопотал, например, г. Лесков». Приблизительно в этом же роде 1 октября по поводу моей «Библиографии» высказался г. Фаресов в газете «День».

Я очень признателен г. Петербуржцу и г. Фаресову за их внимание к моей «Библиографии», но прошу у вас позволения сделать к этим известиям поправку, которая имеет свое значение в возбужденных теперь разговорах о «литературных юбилеях и подарках».

Я не желал бы, чтобы кто-нибудь подумал, что «Библиография» моих сочинений есть подготовка к празднованию моего юбилея. Двадцатипятилетие моей литературной деятельности уже прошло. Два года тому назад некоторые из небольшого числа моих литературных друзей желали чем-то ознаменовать этот день, и об этом тогда проскользнуло известие в «Еженедельном обозрении». Я тотчас же отклонил эту затею и напечатал о том заявление. Друзья мои смилостивились и оставили меня в покое. С тех пор никаких сборов к празднованию моего юбилея не было, нет теперь и не должно быть вперед, так

как я считаю это для себя неудобным, незаслуженным, ненужным и ни под каким предлогом ничего подобного никогда не приму. Но и о «Библиографии» своей я тоже не «хлопотал». Она появилась совсем иначе: без моего участия. И деятели и свидетели этого происшествия все налицо и все известны в литературном круге.

Насчет своих литературных работ я всегда был так же беспечен, как и другие, и когда, по весне 1888 года, возникла мысль об издании собрания моих сочинений, то я увидел себя в крайнем затруднении: как обозреть свои собственные работы и как сделать из них соответственный выбор? Тогда молодые писатели Ф. Ф. Александров, В. И. Бибиков и И. И. Ясинский посоветовали мне обратиться к П. В. Быкову, у которого будто бы отмечены все мои работы. Я был этим удивлен, но обратился к г. Быкову, который пожелал мне сделать литературный товарищеский дар – он сам безвозмездно составил и прислал мне «Библиографию» моих сочинений – дар, глубоко меня тронувший и чрезвычайно мне приятный и полезный.

Таково происхождение моей «Библиографии», о которой я нимало не «хлопотал», а которая досталась мне как литературный подарок от товарища, сумевшего сделать для собрата самый дорогой и приснопамятный подарок. Я эту «Библиографию» напечатал на память себе, для раздачи друзьям, и пустил несколько экземпляров в продажу для тех немногих людей в публике, которых это может поинтересовать.

Во всем этом достоин внимания и воспоминания, а может быть достоин и подражания, пример П. В. Быкова, благодаря которому я имею «Библиографию» моих работ. Дар этот сделан мне этим литератором по одной только литературной дружбе, и тем он мне бесконечно дорог.

Пользуюсь этим случаем, чтобы гласно выразить П. В. Быкову мою искреннюю благодарность за его настоящий литераторский дар товарищу.

Николай Лесков.

<1888>

О повести «Зенон-златокузнец»

(Письмо в редакцию)

Некоторые грустные и для меня, как для писателя, весьма многозначщие обстоятельства побуждают меня проесть редакцию «Русских ведомостей» напечатать от меня нижеследующие строки.

В августе 1888 года в петербургских газетах было помещено известие, что я написал повесть из первых веков христианства, под заглавием «Зенон-златокузнец». Потом вскоре же среди разных других литературных новостей было упомянуто, что повесть «Зенон» приобретена редакцией журнала «Русская мысль», который издается в Москве, и что повесть эта будет напечатана в осенних книжках этого журнала.

Все три известия были верны, но одно из них – именно последнее – осталось невыполненным, и это подало повод к таким рассказам и толкованиям, которых я не могу оставить без разъяснения.

В кружках литературных и среди читателей, интересующихся тем, что нового является в литературе, быстро распространились и упорно держатся два крайне неприятные мне известия. Говорят, будто в повести «Зенон-златокузнец» под вымышленным именем представлено мною одно недавно умершее лицо русского происхождения, жившее и действовавшее в Москве, и будто это повело к затруднениям, расстроившим мои отношения с редакторами журнала «Русская мысль», почему повесть «Зенон» и не напечатана в этом журнале.

Оба эти сведения совершенно ложны: никакого охлаждения или разрыва в отношениях моих с редакцией «Русской мысли» не происходило. Отношения наши нынче так же дружественны, как они были до сих пор и каковыми я желаю сохранить их навсегда. Во всей повести «Зенон-златокузнец» нет ни малейшего намека на какое бы то ни было известное «русское лицо», и никто не может указать ни в одном из лиц повести даже случайного сходства в указанном роде. Повесть «Зенон» относится к III веку христианства в Египте. Она, если можно так выразиться, есть повесть обстановочная. Тема для нее взята из апокрифического сказания, давно признанного баснословным, а историческая и обстановочная ее стороны обработаны по Эберсу и Масперо и по другим египтологам. Ничего представляющего какие бы то ни было современные

происшествия в России, в Европе или вообще на всем белом свете, – в повести моей нет. Повесть просто представляет интересное старинное происшествие. Герой повести «Зенон» – художник из Александрии, а героиня Нефорис – богатая вдова из Антиохии, влюбленная в Зенона и обращаемая им в христианство. Все событие происходит в конце III или начале IV века в самом городе Александрии и частью на утесе Адер около одного из гирл реки Нила. Никаким сопоставлениям с русскими нравами и положениями там нет и места – в чем я и свидетельствуюсь редакцией «Русской мысли», которой хорошо известно содержание повести «Зенон-златокузнец». Лучшим же подтверждением моих слов может послужить немецкий перевод «Зенона», который сделан с корректурных листов и появится в немецком журнале.

Николай Лесков.

С.-Петербург,

10 января 1889 г.

Об иродовой темнице

(Письмо в редакцию)

Когда я написал у Аксакова «Сказ о тульском левше», в журнальном обозрении «Вестника Европы» было замечено, что сюжет этой легенды будто бы «давно известен» г. обозревателю. Я тогда же должен был признаться, что сюжет этот не мог быть никому известен, так как никакой легенды о «тульском левше» нет, а сюжет этот я сам сочинил и г. обозревателю до напечатания о нем не рассказывал. «Новое время» дало мне возможность это напечатать, и таким образом я тогда же очистил себя от греха, что ввел г. рецензента в заблуждение. Теперь со мной другой случай в подобном же роде, и я опять прошу позволения поправить ошибку другого критика.

В «Русской мысли» в ноябре напечатан мой рассказ «Аскалонский злодей» – сирийское происшествие в Иродовой тюрьме, современное императору Юстиниану и императрице Феодоре. В этом рассказе, между прочим, я

изобразил «Иродову темницу». Критик газеты «Новостей» А. М. Скабичевский порицает мой рассказ и ставит мне в укор, что мною выдуманно изображение темницы. О достоинствах или недостатках «Аскалонского злодея», разумеется, не мне судить, но о выдумке я позволю себе признаться достопочтенному критику, что мне совсем не нужно было выдумывать изображение старинной Иродовой темницы так как оно есть готовое: я выбрал это описание из древних Прологов, где таких описаний (по частям) можно встретить во множестве. Многим из посещающих меня моих литературных товарищей давно известны мои разнообразные выборки всего, что может быть пригодно для воспроизведения едва намеченных по источникам картин древнехристианской жизни в Египте, Сирии и Палестине. Знают многие и те именно выборки, которыегодились мне для «Аскалонского злодея», где Прологовые черты мною только сгруппированы, а не выдуманы. Одну из Иродовых темниц, как известно, описали гораздо ранее меня Флобер («Иродиада») и пастор Берсье («Придворный проповедник») Материалы этих почтенных лиц мне неизвестны, а мои материалы я указываю: они в Прологе и Четиих Минеях, где их может найти всякий, кто захочет над этим потрудиться хоть столько, сколько я трудился, составив целое обозрение «Женских характеров по Прологу», которое не знаю когда увидит свет. И кто с этим делом сколько-нибудь знаком, тот в моих описаниях сирийской темницы выдуманности не находит, а находит, наоборот, верное изображение. В этом удостоверяют, во-первых, «Русские ведомости», к редакции которых близок самый лучший знаток жизни древнего христианского Востока, а во-вторых, «Киевлянин» (№ 271), где в отчете об «Аскалонском злодее» читаем такой отзыв: «Вот несколько строк мастерского описания древних тюрем, какие еще и ныне встречаются на Востоке, да и в Европе едва ли давно отошли от сирийских преданий». Если А. М. Скабичевский дорожит справедливостью, которая несколько уместна даже и в критике, то пусть он не утверждает, что я выдумал то, что я, признаюсь ему просто, выписал. Против него за меня есть два свидетеля, которым, кажется, дело ближе его знакомо А впрочем – как ему угодно.

Николай Лесков.

<1889>

Дружеская просьба

(Письмо в редакцию)

Мне стало известно, что друзья мои из литературной и артистической среды положили устроить мне праздник по поводу совершившегося тридцатилетия моих занятий литературою. К этому также присоединяются некоторые знакомые и незнакомые мне лица из общества.

Такое внимание глубоко меня трогает, и я затрудняюсь найти соответствующие слова, в которых мог бы выразить в полноте то, что чувствую; но я болен и не в состоянии вынести никакого продолжительного над собой усилия; а окинуть памятью все, что мне пришлось пережить и перечувствовать в тридцать лет моей литературной жизни, мне не только не легко и не приятно, но это очень тяжело и даже мучительно.

Убедительно прошу всех известных и неизвестных мне друзей моих явить к этому снисхождение и оставить без исполнения вполне неудобную в моем состоянии мысль об устройстве мне юбилейного праздника, так как он был бы для меня величайшей тягостью. С меня слишком довольно радости знать, что обо мне добром вспомянули те люди, с которыми я товарищески жил, и те читатели, у которых я встретил благорасположение и сочувствие. «Сие едино точию со смирением приемлю, благодарю и ничесо же вопреки глаголю». А затем я почитаю мой юбилей совершившимся и чрезвычайно удобно и приятно для меня отпразднованным.

Николай Лесков.

<1890>

Курская трель о Толстом

(Письмо в редакцию)

Вчера в одной из столичных газет воспроизведена корреспонденция курского литератора, посетившего Ясную Поляну и описавшего в местном органе свою

побывку у Толстого. Описание это воспроизведено без замечаний и поправок, а оно неверно очень во многом, на что я и хочу указать.

1) Сказано, будто кабинет Л. Н. Толстого «напоминает жилище Обломова», – что там книги, онучи и «овсяные грабли». Описание это сделано очень плохо, а сравнение совсем не верно. Для этого только стоит вспомнить подлежащие страницы романа И. А. Гончарова. Кабинет этот лучше описан у Гр. П. Данилевского, хотя тоже неверно.

2) Сказано, будто Л. Н. пьет «густой кофе» с «замечательными по густоте и достоинству сливками», а он на самом деле пьет самый простой зерновой кофе с такими сливками, какие есть на столе для всех.

3) Упомянуто про «учеников», но никаких «учеников» при Льве Николаевиче нет, а бывают у него его друзья и почитатели, но не «ученики» в том смысле, как хочет их представить курский литератор.

4) Старшие дочери Льва Николаевича, которые наичаще при нем находятся, названы «Надежда» и «Любовь», а имена их совсем иные, и нельзя не удивляться: где были уши курского писателя, когда он ел к пил за столом, у которого молодые графини наливают чай или исполняют другие обязанности хозяек, причем всем или некоторым приходится называть их по именам, но не «Надеждою» и не «Любовью»...

Посещая такого человека, как Л. Н. Толстой, и еще с намерением описать всех, с кем садился за его хлеб за соль, – надо же было по крайней мере позаботиться хоть о том, чтобы верно назвать по имени упоминаемых в описании людей; но курский писатель и об этом не позаботился, а сделал в этом роде такое же смешение, как знаменитый ходок из московского «Курьера» г. Штейнгель.

5) Г-н Штейнгель написал, что он застал у Льва Николаевича распорядителя фирмы «Посредник» Павла Ивановича Гайдукова. Я тогда указал г. Штейнгелю в «Новом времени», что фамилия упомянутого человека не Гайдуков, а иначе, и после в шутку называл его «Не-Гайдуковым», но курский корреспондент, бог его знает на каком основании, (желает?), чтобы Павел Иванович Не-Гайдуков непременно назывался Гайдуковым!.. Так на этом и стоит, что тот непременно должен быть «Гайдуковым»...

Вместе и озорство и неряшество! Напутал, наболтал и сунул в свой орган, и там печатают, а другие оттуда черпают эту болтушку и разносят ее по свету.

А кажется, как бы не понять, какого доверия стоит этот соловей, у которого в короткой песни да столько фальшивых трелей!..

Николай Лесков.

<1891>

Письма

Письма 1859 года

Ф. В. ЧИЖОВУ

10 декабря 1859 г., с. Райское

Милостивый государь

Федор Васильевич!

Многих людей с небольшими капиталами весьма интересуется судьба предпринятого освещения переносным газом в Москве. Я знаю, что Вы принимали, вероятно, как редактор местного промышленного органа, участие в представлении этого дела на видимость публики, и потому считаю извинительным обратиться к Вам с просьбою известить меня, составлено ли уже это общество или нет, сколько паев еще остается свободными и какие для этого общества предполагаются организация, администрация и контроль?

Может быть, вопрос мой слишком смешон в настоящее время, но я прошу Вас извинить его, потому что Вашего журнала я, к крайнему сожалению, не встречаю в здешних местах, а другие периодические издания, кроме «Русской газеты», очень мало уделили места этому делу.

Кстати, о Вашем журнале. Здесь его почти нельзя встретить, а по духу здешнего общества, я думаю, он мог бы иметь здесь большое число подписчиков, что отчасти доказывается количеством получаемого здешнею почтовою конторою «Экономического указателя» Ивана Вас<ильевича> Вернадского. Имея некоторое значение в нашем промышленном кругу, я надеюсь в некоторой же степени содействовать распространению Вашего журнала в Пенз<енской> и Саратовской губерниях и потому прошу Вас сообщить мне программу этого издания и несколько прошлогодних №№, хотя, например, тех, где помещено дело о переносном газовом освещении, которое интересует здешнюю публику. Сочувствие мое к «Промышленному указателю» основывается на убеждении в настоящей надобности такого журнала, когда мелкие капиталисты не знают, за что взяться, и пускаются в операции самые нелепые и когда предстоящее получение ходовых кредитных бумаг нашими помещиками за выделяемую крестьянам землю обещает увеличить семью вопрошателей: что делать с собою и своим капиталцем?

При этом позвольте напомнить Вам, что мы с Вами немного знакомы по встречам у С. Пет. Альферьева и покойного Игнатия Фед. Якубовского, с которыми я жил вместе в Киеве, и что это дает мне право, не ради одной формы, выразить Вам совершенное мое почтение.

Ваш покорный слуга

Николай Лесков.

Адрес мой: Николаю Семеновичу Лескову.

В гор. Пензу. Удержать до востребования.

Письма 1863 года

М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

29 апреля 1863 г., Петербург

Милостивый государь

Михаил Михайлович!

Не смея сомневаться в Вашем внимании к данному слову, я полагаю, что Вы, вероятно, утратили мой адрес и сожалеете, что я до сих пор не получил от Вас ответа. – Я живу в доме Максимовича, на Нев<ском> пр<оспекте,> кварт<ира> № 89, и ожидаю или возвращения мне рукописи, или уведомления, что она принята.

С должным уважением имею честь оставаться

Н. Лесков.

А. А. КРАЕВСКОМУ

22 мая 1863 г., Петербург

Милостивый государь

Андрей Александрович!

12-й день, как вышла книжка «Отеч<ественных> зап<исок>», в которой напечатан мой рассказ «Овцебык». В течение этих 12 дней я был четыре раза у г. Кожанчикова и видел там очень невежливого господина Свириденко. Невежа

Свириденко не дает мне ответа, почему Вы до сих пор не платите денег нуждающимся в них сотрудникам, и денег мне не дает. К Вам я идти не хочу, потому что Вы имеете очень неприятную манеру держать по полчаса в Вашей зале, которая для меня не представляет никакого интереса, и я более люблю залы министра Головнина, где ожидают не более 5 минут и в том выслушивают извинения. Я пошел к Дудышкину, как к человеку, в котором скорее, чем в Вас можно дощупаться до мягких сторон (я не говорю – до мягких частей). Дудышкина нет в городе, а то он, вероятно, избавил бы меня от неприятной необходимости писать к Вам.

Пришлите мне, Андрей Александрович, деньги сегодня или завтра, то есть в четверг, по нижеписанному адресу. Я ни к Вам, ни к Кожанчикову не пойду – это мне претит. Но если Вы мне не пришлете счета и денег, то я Вам не забуду завтра сообщить, как я разделяюсь с теми, которые меня донимают до зла горя.

Мы ведь с Вами встречаемся в различных местах, с Невского до Географического общества. Я Вас завтра заставлю провести пренеприятную минуту в Вашей почтенной жизни. Мне ведь терять меньше Вашего, а я потружусь для других.

Я через Вас не исполнил моего слова перед бедным человеком, но уж на Вас зато сдержу мое слово.

24 часа перед Вами.

Николай Лесков.

Владимирская, № 3-23

Мая 22, 1863 г., среда, С.-П – бург.

Письма 1864 года

Н. Н. СТРАХОВУ

7 декабря 1864 г., Киев

Милостивый государь

Николай Николаевич!

Д. В. Аверкиев и покойный А. А. Григорьев как-то говаривали мне, чтобы я дал редакции «Эпохи» какую-нибудь свою беллетристическую работу. Имея нынче готовый очерк «Леди Макбет нашего уезда», я посылаю его особой посылкой в редакцию, но на Ваше же имя, и прошу Вас о внимании к этой небольшой работке. «Леди Макбет нашего уезда» составляет 1-й № серии очерков исключительно одних типических женских характеров нашей (окской и частью волжской) местности. Всех таких очерков я предполагаю написать двенадцать, каждый в объеме от одного до двух листов, восемь из народного и купеческого быта и четыре из дворянского. За «Леди Макбет» (купеческого) идет «Грациэлла» (дворянка), потом «Майорша Поливодова» (старосветская помещица), потом «Февронья Роховна» (крестьянская раскольница) и «Бабушка Блошка» (повитуха). Далее пересчитывать не буду, тем более что они еще не отделаны; но те, которые я назвал Вам, могут идти друг за другом, по одному в месяц, и должны, по моему расчету, все выйти к следующей зиме особым изданием. В «Библиотеку» я этих очерков не продаю, потому что там, вероятно, пойдет другая, большая моя работа, которую я кончаю и надеюсь привезти с собою; а из двух других петербургских редакций, с которыми могу иметь дело, предпочитаю Вашу. Следовательно, если бы Федор Михайлович, прочтя посылаемую на Ваше имя «Леди Макбет», нашел ее удобною для своего издания, то печатайте ее и считайте все остальные очерки, назначаемые в эту серию, принадлежащими преимущественно «Эпохе» (конечно, по ее выбору). Условия мои таковы: за лист мне дайте 65 рублей (как я получал) и каждого очерка по сто сброшюрованных оттисков.

Если работа моя понравится и условия для «Эпохи» удобны, то потрудитесь известить меня об этом, адресуя: «Никол. Семен. Лескову, в Киев, в университет св. Владимира». Если же очерк окажется неудобным к помещению, то потрудитесь возвратить его Николаю Николаевичу Воскобойникову.

Беспокая Вас моею просьбою, я рассчитываю на Вашу известную снисходительность и прошу Вас принять уверения в моем совершенном почтении.

Николай Лесков.

Письма 1865 года

Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<Январь 1865 г., Петербург.>

А. С. Ушаков просил меня взять у Вас начало какой-то его повести, конец которой находится в «Библиотеке» для чтения», и еще передать Вам, что он хлопочет по какому-то Вашему поручению и будет скоро Вам писать.

Потом, Федор Михайлович, я очень нуждаюсь в деньгах и очень нуждаюсь получить мой гонорарий по работе, помещенной в первой книге «Эпохи», Сделайте милость, не откажите мне в этом, равно как и в оттисках, которых я не могу никак выпросить.

С должным уважением имею честь быть покорнейшим слугою

Н. Лесков.

Н. Н. СТРАХОВУ

6 марта 1865 г., Петербург

Милостивый государь

Николай Николаевич!

Если Федор Михайлович передал Вам следующий мне гонорарий, то потрудитесь уведомить меня, когда я могу явиться к Вам, не отвлекая Вас напрасно от дела; а если эти деньги и оттиски очерка Вам еще не доставлены, то не оставьте меня своим вниманием и похлопочите обо мне, ибо «в дороге я весьма поиздержался».

У меня есть повесть, почти роман, вовсе не тенденциозный и совсем отделанный отчетливо, – называется «Всяк своему нраву работает». Не найдете ли удобным поговорить о нем? «Библиотека» мне много должна, и я не прочь бы продать повесть «Эпохе» или «Отечественным» запискам».

Усердно прошу Вас почтить меня коротеньким ответом и принять уверение в моем глубочайшем почтении.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Н. Н. СТРАХОВУ

<Март – апрель 1865 г., Петербург.>

Милостивый государь

Николай Николаевич!

До последней степени затруднительное мое положение обрывает мое до последней степени продолжительное терпение, и я усердно прошу Вас, Николай Николаевич, вступиться в мое спасение. Если уж нет возможности дать мне 150 р. деньгами, пусть хоть дадут вексель, под который я могу найти отсрочку у своих кредиторов, которые приступают ко мне вовсе не так, как я к «Эпохе», и которым я не умею отвечать так, как Ф<едор> М<ихайлович> отвечает мне.

Будьте добры, Николай Николаевич! – Вы сами человек рабочий и можете войти в мое положение. – Вот перед Вами Бенни, который может рассказать, как ко мне приступают.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

3 июля <1865 г.>, с. Подберезье Новгородской губернии

Милостивый государь

Федор Михайлович!

Я буду в Петербурге около 15 июля и позволяю себе припомнить Вам, что к этому времени Вы изволили обещать покончить счет.

Ваш покорнейший слуга

Н. Лесков.

Письма 1866 года

С. С. ДУДЫШКИНУ

10 сентября 1866 г., Петербург

Милостивый государь

Степан Семенович!

Известие о постановке нынешнею зимою на московской сцене Корнеля и Расина заставило меня сделать приписку по выноске из 3-й гранки. Степанов, вероятно, полезет с этим к Андрею Алекс<андровичу>, «чего терпеть я не люблю», и посылаю эту приписку со всею корректурою Вам, прося Вас сделать Вашу редакторскую помету и возвратить мне точно так же через почту; а я ее отнесу в типографию.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

С. С. ДУДЫШКИНУ

13 сентября 1866 г., Петербург

Многоуважаемый Степан Семенович!

Я еще третьего дня, разговаривая с Ефимом Федоровичем, выражал сомнение, возможны ли в «Отечественных» зап<исках>» сколько-нибудь горячие статьи о театре, и оба мы, соображая положение Краевского и его характер, находил, что такие статьи у него невозможны. Конечно, надо это бросить, то есть эту напечатать, как возможно, а далее не писать.

Другую просьбу к Вам имею: как и что решили Вы с моей большою статьею о «Вопросах молодого поколения»? Навсегда ли она признана негодной, или для нее настанет время, и мне о ней не нужно беспокоиться? Беспокойство же мое Вы не осудите, если примете в соображение, что статья эта стоила мне полутора месяца самого пристального труда. Ради бога, не подумайте, что я на что-нибудь жалуясь этими словами, а примите их, как они сказаны: просто за желание разъяснить дело, имеющее для меня весьма осязательный интерес. Я давно ждал, что Вы мне что-нибудь скажете о ней, и сам не напоминал Вам, а теперь, кажется, такое время, что она могла бы выйти (конечно, с изменениями), и я прошу Вас сказать мне слово о судьбе, которую Вы ей предназначтали.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

А. А. КРАЕВСКОМУ

<Сентябрь – октябрь 1866 г.>

Вторник, вечером

Милостивый государь

Андрей Александрович.

Я исправил и по мере возможности дополнил театральную статью, имея в виду Ваши соображения, переданные мне Ефимом Федоровичем. Просмотрите и прикажите еще раз принести ко мне. Я сомневаюсь, верно ли будут набраны все мои поправки. Не печатать ли повесть более 3-х листов? Она очень трудно делится.

Будьте так снисходительны, прикажите мне дать один оттиск повести по мере ее выхода. Это «не про господ, а про свой расход».

С должным уважением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Н. Лесков.

Усердно прошу Вас (и сам на это осмеливаюсь) в объявлении при следующей книжке не печатать «большое бел<летристическое> произведение», а объявить прямо, как мы с Еф. Фед. решили: «Романическая хроника» – «Чающие движения воды», ибо это будет хроника, а не роман. Так она была задумана, и так она и растет по милости божией. Вещь у нас мало привычная, но зато поучимся. Степан Семенович знал это, и Вы об этом можете спросить Зарина.

Письма 1867 года

Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

20 мая 1867 г., Петербург

Ваше превосходительство

Егор Петрович!

Этим письмом я обращаюсь в Литературный фонд с просьбою, для рассуждения о которой гг. членам фонда нужно иметь более или менее подробные сведения; а потому я начну с изложения их и прошу Вас выслушать меня. Я, нижеподписавшийся, Николай Лесков, известен в русской литературе под взятым мною псевдонимом «М. Стебницкий». Существу я исключительно одними трудами литературными. Начал я мои работы назад тому шесть лет в закрытых ныне «Экономическом указателе» и «Экономисте» профессора Вернадского, где напечатан ряд моих экономических статей. Затем я писал критические и экономические статьи в «Отечественных записках». Статьи эти частью подписаны моим полным именем «Н. Лесков», частью же буквами «Н. Л.», и, наконец, есть статьи так называемые редакционные, вовсе не подписанные. Год целый работал я в газете «Русская речь» Евгении Тур; писал в «Современной летописи» Каткова; потом два года кряду, во время так называемого нигилизма, писал передовые статьи в «Северной пчеле» у г. Усова. Год провел в Париже корреспондентом этой газеты. Потом, оставив публицистику, взялся за беллетристические работы, под псевдонимом «М. Стебницкий». В беллетристическом роде мною написано несколько мелких рассказов по разным изданиям; а также более крупные очерки «Овцебык» (напечатан в «Отечественных записках»), «Леди Макбет Мценского уезда» («Эпоха»), «Русское общество в Париже» («Библиотека для чтения»), «Язвительный» («Якорь»), «История одного умопомешательства» и «Воительница» («Отечественные записки»), народная повесть «Житие одной бабы» («Библиотека для чтения»), роман «Некуда» («Библиотека для чтения») и два отдельные издания, роман «Обойденные» («Отечественные записки» и отдельное издание), повесть «Островитяне» («Отечественные записки» и отдельное издание). Наконец, в марте этого года я начал печатать в «Отечественных же записках» романическую хронику «Чающие движения воды». Продолжение этого романа встретило препятствия, которых я не имею оснований скрывать от Литературного фонда, ибо с этим делом связана самая моя просьба.

Хроника «Чающие движения воды» мной была запродана в «Отечественные записки» в июле месяце прошлого, 1866 года, когда у меня была готова только одна первая часть. Продана она была покойному редактору «Отечественных записок» Степану Семеновичу Дудышкину по восьмидесяти рублей серебром за печатный лист. Словесными условиями между нами было положено, что редакция «Отечественных записок», пока я кончу роман, будет давать мне до нового года по 125 руб. в месяц, с тем что забранные мною деньги будут потом удержаны из моего гонорария. С. С. Дудышкин, как вам известно, в августе

месяце прошлого года скончался. Внезапная кончина этого человека поставила меня в самые крайние затруднения, ибо я ничем никогда не договаривался с г. Краевским. В это время редактор «Всемирного труда» доктор Хан обратился ко мне с просьбою о сотрудничестве в открываемом тогда им журнале. Я благодарил доктора Хана за его внимание и отвечал ему, что моя работа и мое время принадлежат уже другому изданию. Затем мы с г. Краевским не умели поразуметься. Доктор Хан, известясь об этом по литературным слухам, прислал ко мне товарища моего Всеволода Крестовского и литератора Н. И. Соловьева с предложением внести за меня г. Краевскому весь мой долг и заплатить мне за роман «Чающие движения воды» по 150 руб. за лист. Не соблазняясь ни на минуту выгодным для меня предложением, я не дал своего согласия доктору Хану, а написал об этом г. Краевскому, предоставляя это дело его великодушию. Г-н Краевский, сообразив сделанное мне предложение доктором Ханом, известил меня через товарища моего литератора Е. Ф. Зарина, что он предлагает мне за роман по сто рублей за лист. Как это ни было невыгодно для меня потерять по 50 р. на сорокалистном романе, но я отклонил предложение доктора Хана и продолжал роман для г. Краевского. В декабре 1866 года мы положили начать мой роман не с генваря, а с марта, так как я его еще не совсем окончил, а в руках редакции был роман г-жи Вельтман. В марте начали печатать мою хронику. Первые два куска первой части прошли благополучно. В третьем отрывке вдруг оказались сокращения, весьма невыгодные для достоинства романа. Мне, как и всем другим ближайшим сотрудникам журнала, было известно, кто сделал эти сокращения: их, келейным образом, производит в «Отечественных записках» один цензор и одно лицо Главного управления по делам печати. Этих чиновников г. Краевский уполномочил и просил воздерживать неофициальным образом его бесцензурный журнал от опасных, по его мнению, увлечений его сотрудников, и оба эти чиновника г. Краевскому не отказали в его просьбе. Все предназначаемое к печатанию в «Отечественных» записках» посылается по заведенному ныне в этой редакции порядку на их предварительный дружеский просмотр, и они в две руки делают произвольные и самые бесцеремонные сокращения, точно так же, как это бывало в доброе старое время при предварительной цензуре. В числе этих сокращений бывают такие, которые, не могут не приводить в ужас благонамеренного русского человека: таковы, например, известные нам, сотрудникам, сокращения замечательных статей о Прибалтийском крае. Это поистине сокращения такого обидного свойства, что никто бы не поверил, что их сделал русский человек; их мог сделать только заклятый враг русских интересов в Остзейском крае, барон-сепаратист или его форвальтер. Но, однако, их делали не остзейские бароны.

Упоминаю о сокращениях, которые претерпела названная мною статья, не без цели. Они показали мне, что может случиться со всякой печатной вещью, которые прежде своего появления в нынешних «Отечественных» записках» должны пройти через незримую, бесконтрольную предварительную цензуру упрощенных г. Краевским цензоров. Я сообщил г. Краевскому, что роман «Чающие движения воды» есть роман, задуманный по такому щекотливому плану, что с исполнением его нужно обходиться очень осторожно; что я имею в виду выставить нынешние типы и нынешние положения людей, «чающих движения» легального, мирного, тихого; но не желаю быть, не могу быть и не буду апологетом тех лиц и тех принципов и направлений, интересы которых дороги и милы секретным цензорам бесцензурного издания г. Краевского. Я написал ему (и мои товарищи и литературные друзья знают это), что я не могу стерпеть никаких произвольных сокращений в этом романе и что если сокращения действительно окажутся необходимыми, то я прошу сделать их не иначе, как только с моего согласия, с предоставлением мне возможности по крайней мере залатывать ямы, открываемые негласными цензорами. При этом я добавил твердо и решительно, что если такое мое законное требование не будет удовлетворено, – то вынужден буду прекратить продолжение романа. Г-н Краевский говорил об этом моем требовании литератору Зарину и другим, а характер моих предыдущих отношений к этому редактору не оставлял ему никакого права думать, что я не сдержу данного мною слова. Но, несмотря на все это, в первой же следующей книжке (2-й апрельской), когда эта книжка уже была отпечатана, сброшюрована и послана к одному из негласных цензоров, удерживающих бесцензурный журнал г. Краевского от увлечений, мой роман подвергся еще большим помаркам. В силу этих помарок одно из лиц романа (протоиерей Савелий, в особе которого, по моему плану, должна была высказаться «чающая движения» партия честного духовенства) вышло изуродованным. Об этих сокращениях мне не дали знать, как я просил. Напротив, их от меня скрыли и начали перепечатывать и подверстывать книжку. Узнав об этом случайно, я простер мою просьбу о том, чтобы роман с сделанными сокращениями не печатали, а дозволили бы мне объясниться с цензуравшим его негласным цензором, которого я надеялся разубедить в его опасениях за мое легкомыслие и вольнодумство. Не знаю и не ручаюсь, удалось ли бы мне достичь этого, но я надеялся, ибо и опытность и здравый смысл ручались, что вымаранные места совершенно позволительны. Но мне измаранной книжки не дали и объявили, что сокращения будут сделаны, ибо уже таков в «Отечественных» записках» порядок, и номер выйдет. Мне оставалось одно средство защищаться – заявить в какой-нибудь газете, что роман выходит не в том виде, в каком он сделан для печати, и что он вдобавок выходит в свет почти насильно, против моего желания. Я не хотел сделать такого литературного

скандала г. Краевскому, ибо, вследствие некоторых особенностей нрава и обычаев этого почтенного редактора, такие скандалы для него уже не редкость; а для публики они только открывают язвы нашей и без того много раз компрометированной литературной семьи. Я ограничился одним исполнением моего обещания г. Краевскому, то есть не дал более присланному им человеку оригинала, и рукопись романа остается у меня, пока я оправлюсь, обдумаюсь и найдусь, что мне можно с ней сделать, после начала романа в «Отечественных» записках».

Возвращаюсь теперь назад к моей литературной деятельности.

По массе произведенных мною литературных работ, об объеме которых Литературному фонду нетрудно будет собрать сведения, Ваше превосходительство и члены Фонда, вероятно, изволите прийти к заключению, что я не гулял, а трудился, и трудился прилежно. Получал я гонорарий довольно хороший и, следовательно, мог бы перенести нынешнюю беду мою. Но на мою долю, по несчастью, выпали самые странные и несчастливые случайности. Газета «Северная пчела» недодала мне 800 руб., мною заработанных; журнал «Эпоха», удовлетворив почти всех своих сотрудников, остался мне должен 150 р., «Библиотека для чтения» закрылась, оставшись мне должною 4950 рублей, и все это раз за разом, одно за другим. Долг на «Северной пчеле» я считаю безнадежным и не ищу его на г. Усове, в добросовестность которого глубоко верю, г. Достоевский и г. Боборыкин мне выдали векселя, срок которым давно минул. Векселя своего на г. Достоевского я не представляю, потому что литератор этот нынче, как говорят, сам в затруднительных обстоятельствах; а долг свой с г. Боборыкина я получу только осенью этого года, когда имение его по претензии гг. Печаткиных будет продано с аукционного торга. До тех же пор, пока последует это несомненное, но отдаленное получение, мне буквально нечего есть; у меня нет средств работать новой работы, которая бы меня выручала из беды, в которую меня поставил г. Краевский; мне нечем заплатить полутора руб. за дочь мою, обучающуюся в пансионе Криницкой, и я не могу отдать 200 руб. долгу г. Краевскому, – что меня стесняет до последней степени.

Утомленный тяжкою работою по сочинению ныне погибшего романа, я тотчас же по его прекращении не дал себе ни минуты отдыха и сел за окончание два года назад начатой драмы «Расточитель». Три акта этой пьесы готовы, – два остальные я надеюсь дописать к будущему сезону; в покупщике на нее в журнал не сомневаюсь, в допущении на сцену тоже; но угрожающая привычка питаться, от которой до сих пор меня не отучила жизнь русского литератора, заставляет

меня, отложив листы сочиняемой драмы, писать на этом листе к Вашему превосходительству это письмо с просьбою помочь мне. Я прошу Литературный фонд обеспечить мне пять месяцев жизни, ссудив меня пятьюстами руб. серебром, которые обязываюсь заплатить к новому году с десятью процентами в пользу сумм Фонда. Средства для отдачи этого долга я имею: эти средства – моя драма и получение долга с боборыкинского имения, назначенного в продажу; средства же не умереть с голода и продолжать работу без такого пособия Фонда решительно не вижу.

Ваше превосходительство будете бесконечно милостивы, если предложите мою просьбу членам Фонда в одном из ближайших заседаний и изволите распорядиться почтить меня уведомлением о резолюции, какой она удостоится.

С высоким уважением к Вам имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

Николай Лесков

(М. Стебницкий).

Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

26 мая 1867 г., Петербург

Ваше превосходительство

Егор Петрович!

П. В. Анненков известил меня, что просьба моя о заимообразной ссуде из Литературного фонда удовлетворена не будет; но что комитет поручил г. Гаевскому посетить меня и осведомиться о моем положении, дабы потом подать мне некоторое безвозвратное вспоможение.

Не имея способности принимать от кого бы то ни было безвозвратных пособий, я тем более далек от желания получить их от членов русского литературного общества, которое отозвалось, что оно меня не знает и в кредите мне отказывает. Прошу Ваше превосходительство передать г. Гаевскому мою просьбу, чтобы он не утруждал себя посещением, которого я не приму; а просьбу мою о ссуде считать не требующею никаких последствий.

Я уверен, что Вы не изволите встретить препятствий к тому, чтобы о ходатайстве моем в отчетах Фонда не упоминалось даже намеком, и прошу Вас принять засвидетельствование моего отличного к вам почтения.

Н. Лесков

(М. Стебницкий).

Письма 1868 года

Н. Н. СТРАХОВУ

4 апреля 1868 г., Петербург

Уважаемый Николай Николаевич!

Я слышал, что Вы работаете в «Журнале министерств» нар<одного> просв<ещения>» – мне же совсем негде работать; а пока что путное напишется, нужно выполнять все три ненавистные привычки, то есть «буар, манже и сортир». – Если бы можно было, не похлопочете ли, ради сохранения меня от глада, присовокупить мне какую-нибудь работку?

Обращаюсь к Вам так бесправно и бесцеремонно, потому что знаю, что Вы не исключаете уместности пособлять собрату подобною услугою. Ведь просто приткнуться некуда тому, кто написал «Некуда».

Отпишите мне, будьте ласковы, что Вы об этом думаете? Я знаю, что Вы сделаете для меня, если пожелаете, и вопрос, стало быть, только в том: сможете ли что-нибудь сделать? – А потому я и не обижусь Вашим отказом.

Почитающий Вас

Лесков.

М. А. МАРКОВИЧ

9 апреля 1868 г., Петербург

Милостивая государыня

Мария Александровна!

Назад тому около четырех лет П. С. Усов, оставшись мне должным за мою работу около 800 руб. (которых я не получил и до сих пор), просил меня принять в часть уплаты его счет с Вами на 500 р., взятые Вами через Слепцова и Бенни под рассказ «Без рода и пл<емени>» (которого Вы г. Усову не доставили до самого прекращения им «Сев<ерной> пчелы»). Я вынужден был принять этот счет и выясняющую его Вашу переписку с г. Усовым. В течение четырех лет я старался не беспокоить Вас напоминанием об оказании с Вашей стороны содействия к окончанию этого старого расчета; но теперь я весьма нуждаюсь в деньгах и имею обязательства, которые не ждут; а Вы, – сколько я могу судить по достойному успеху Вашего последнего произведения, – вероятно, найдете очень мало затруднений поквитать хранящуюся у меня Вашу расписку на имя г. Усова.

Прошу Вас, Мария Александровна, почтить меня уведомлением: как Вам угодно будет окончить это дело? Вы бесконечно обяжете меня, если ответите на этот вопрос с возможной скоростью.

Ваш покорнейший слуга

Н. Лесков.

Н. А. ЛЮБИМОВУ

25 мая 1868 г, Петербург

Милостивый государь

Николай Алексеевич!

Петр Карлович известил меня, что он передал Вам на Ваш просмотр и заключение мою небольшую рукопись: «Шпион. Эпизод из истории комического времени на Руси». По духу письма Петра Карловича я смею заключить, что вещь эта едва ли удостоится одобрения в «Р<усском> вестнике» (что, конечно, будет мне очень и очень прискорбно, ибо я считаю ее и честной и далеко не безынтересной, а вдобавок ко всему не имею где ее и провести, если мне в этом Вами будет отказано).

Позвольте мне, прежде чем Вы произнесете Ваш отвергающий приговор, обратить Ваше внимание на то: 1) что все написанное в этой рукописи есть факты, за верность которых я отвечаю; 2) что Бенни жил со мною и доверялся мне более чем кому-либо; 3) что из всех деятелей комической революции он самый честный и самый популярный; 4) что бумаги его хранятся; 5) что о «предпринимателях» пишутся беспрестанно повести и рассказы и что «Живая душа» Марка Вовчка еще не последняя из таковых, и 6) что я согласен на всякие ваши редакторские сокращения, поправки и перемены (кроме фактических перемен).

Будьте снисходительны и взвесьте все это, прежде чем напишете свое «неудобно к напечатанию». Я бьюсь из того, чтобы нанести удар «предприятиям» и восстановить доброе имя оклеветанного человека.

Если Вы удостоите меня ответом, я приму его за величайшее с Вашей стороны одолжение.

С почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугою

Н. Лесков.

М. А. МАРКОВИЧ

13 августа 1868 г., Петербург

Милостивая государыня

Мария Александровна!

Благодарю Вас за ответ. Предвидя в этом деле спор, я себя устранию от него и Ваш ответ со всеми счетами и распискою возвращаю г. Усову.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

А. А. ФЕТУ

16 августа 1868 г., Петербург

Милостивый государь

Афанасий Афанасьевич!

С 1869 года в С.-Петербурге будет издаваться журнал «Заря». Издавать и редактировать этот журнал будет Василий Владимирович Кашпирев (родственник покойного С. С. Дудышкина). Труды его по редакторству будут разделять: Н. Н. Страхов, В. П. Ключников и я (Стебницкий). Журналу будет принадлежать сотрудничество всех лиц, принимавших участие в старых «Отечественных записках», дудышкинского времени.

Принимая близкое и живейшее участие в судьбах нового журнала и очень любя Ваши сельские письма, я имею честь просить Вас не отказать нам в Вашем сотрудничестве. Прошу Вас почтить меня Вашим уведомлением: можем ли мы на Вас рассчитывать и заготовить для нас к ноябрю месяцу первую Вашу корреспонденцию, в которой бы желалось по возможности видеть общий очерк состояния помещичьих и крестьянских хозяйств в настоящее время. Затем следующие пусть имеют характер текущих хроник.

Если же у Вас есть какие-либо готовые для печати поэтические Ваши произведения, то не откажите сообщить и их.

Прошу Вас принять уверение в общем почтении всех нас, желающих Вашего сотрудничества в «Заре».

Ваш покорный слуга

Ник. Лесков.

Письма 1869 года

А. П. МИЛЮКОВУ

4 января 1869 г., Петербург

Милостивый государь

Александр Петрович!

Некоею порою я знал в Петербурге некоего «неразгаданного человека» Артура Бенни. Он убит при Ментане, и его интереснейшая история, мною в свое время писанная, может быть оглашена. Это вещь пряная и забористая и, кажется, очень интересная. Шуму она может возбудить множество. Я ее хотел бы напечатать в газете, но с газетами петербургскими совсем не имею связей. Не хотите ли посмотреть эту вещь? Уведомьте меня, пожалуйста, да уж прибавьте и адрес, где Вас искать; а то я ночью был, да и позабыл. Мне же писать: «В городе, Николаю Семеновичу Лескову, Фурштатская, № 62».

Ваш покорнейший слуга

Н. Лесков.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

25 января 1869 г., Петербург

Уважаемый Петр Карлович!

Я послал к Вам свой очерк в простом конверте, наклеив, впрочем, большое количество марок. Поступил я таким образом во избежание толкотни на почте, а теперь трушу: дошел до Вас этот конверт? Не откажите мне сказать: получили ли Вы моих «Карликов», и если можно, прибавьте: когда Н. А. Любимов думает их напечатать?

Посылаю Вам свою карточку и надеюсь, что и Вы мне тем же заплатите. «Люди сороковых годов» до сих пор еще не вызвали о себе никаких отзывов. Все подобное, вероятно, еще впереди, когда роман более выяснится. На «Зарю» также никаких нападок нет, ни в обществе, ни в прессе. Критический разбор «Войны и мира», по-моему, чрезвычайно длинен и водянист и вообще изъясняет гораздо менее, чем Ваша сжатая заметка (с которой я не согласен в отношении внешности издания). Вас побранивают за сочувственный отзыв к книгам Кельсиева, и побранивают, конечно, совершенно неосновательно. Я нашел Ваш отзыв и прочитал его с большим удовольствием. Кельсиев точно немножко рисуется, но от этого книги его все-таки не утрачивают интереса, а судьба его не теряет права на внимание. Патти слышать невозможно: кресла доходят до 80 р., а по 20 р. платят стоять в проходах. Раек весь абонирован, и «стойка» в оркестре закуплена. Я, однако, с помощью знакомых артистов пробираюсь за кулисы и слушаю в сообществе театральных плотников. Патти, по-моему, несравненно хуже Лукки. Лукка душа и человеческий голос, а Патти – это инструмент, – правда страшный, звучный и прекрасный, но совершенно бездушный. У нее в горле точно серебряные струны, а одухотворения звука – никакого. «Шампанское Патти» гораздо доступнее, чем сама она, и потому оно идет с чрезвычайным успехом. Носятся слухи, что сбежавший редактор Тиблен «был видим» в Нью-Йорке, где он намеревался издать какую-то книгу о России. Редакторам, позволявшим себе полемизировать с «Вестью», на днях сделано внушение, что «такой тон нетерпим». Я это знаю достоверно. Распеканцию производил «наш общий друг», и редактора (не все, но двое) дали слово вперед с «Вестью» не схватываться. Замечательно, что «Новое время» таким покровительством не пользуется. Дожди и оттепель согнали весь снег, а теперь заморозило, и пути нет ни на санях, ни на колесах.

До свидания! Отпишите мне, пожалуйста, о «Карликах» и пришлите свою карточку.

Мирре Александровне и всему Вашему уважаемому семейству прошу передать мое глубочайшее почтение.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Н. А. ЛЮБИМОВУ

<Январь 1869 г., Петербург.>

Усердно Вас прошу, достоуважаемый Николай Алексеевич, черкнуть мне безотлагательно два слова: идут ли «Божедомы» в феврале? Если нет, то, бога ради, возвратите их мне, – иначе я в ужасном положении. Пожалуйста, напишите скоро. Я расстроен даже до болезни.

Н. Лесков.

Письма 1870 года

А. С. СУВОРИНУ

5 апреля 1870 г., Петербург

Милостивый государь

Алексей Сергеевич!

Так как Вы будете вести завтра по моей просьбе переговоры с г. Стасюлевичем о литературном суде, которого я прошу себе в защиту от тяжкой клеветы, то я нахожу нужным добавить Вам кое-что к тому, что было сказано мною.

1) Скорый отъезд Ваш не помешает быть судьей с моей стороны, потому что срок для суда можно назначить на святой неделе.

2) Если же противная сторона затянет дело, то вместо Вас я изберу Александра Петровича Милюкова.

3) Если противная сторона вовсе не пойдет на литературный суд по моему вызову через «Пет<ербургские> вед<омости>», то «Пет<ербургские> вед<омости>» в крайний срок вызова благоволят напечатать, что согласия на литературное разбирательство не последовало.

4) Когда таким образом суд сделается невозможным, то я прошу г. Стасюлевича и Вас в сообществе Ал<ександра> Петр<овича> Милюкова и графа Алексея Константиновича Толстого учинить следующее:

а) Удостоить меня просмотреть рукопись романа «Божедомы», дабы Вы могли убедиться, что роман этот не имеет 60 листов, а заключается листах в 30–32. Приблизительно это Вам нетрудно будет сделать.

в) Проверить на выбор на любой странице: играют ли в романе какую-нибудь роль «плодомасовские карлики» и может ли этот кусочек в 11/2 листа и по существу и по объему почитаться «существенной частью» романа, как лжесвидетельствовал на суде г. Ключников.

с) Прочсть бумаги, которые я представляю, и по содержанию их (они официальные) решить предосудительно ли было с точки зрения литературных нравов мое поведение по отношению к г. Кашпиреву и составляет ли оно во всей его совокупности нарушение обычаев, существующих в литературных кружках по сделкам между писателями и редакторами?

д) Обсудить на основании тех же бумаг: отвечают ли тяжкие притязания г. Кашпирева ко мне тем обычаям, которых держатся редакторы других изданий?

е) Так как у нас никаких «правил» для продажи литературных произведений в журналы в законах нет и суды в этих делах совершенно некомпетентны, то решить, сколько видно по бумагам, я ли нарушил договор и оскорбил литературный обычай, или это сделано противною стороною?

ф) Постановить, может ли все мое поведение в деле с этим романом (насколько оно будет выяснено бумагами) почитаться честным со стороны нравственной и неуклончивым со стороны обычая?

ж) Выдать мне в том, что Вы постановите (не выходя из вашего собрания), письменное удостоверение, которое дозволите мне напечатать в газетах и предъявить суду как свидетельство экспертов.

Это, как Вы сами, вероятно, согласитесь, мне весьма необходимо, и без всякой экспертизы перенос дела в другую Палату будет выстрелом в воздух. Отказать же мне в этом единственном способе оправдания в тягчайших оскорблениях обвинением в подмене рукописи и исторгнутии из романа «существенной части» – будет вопиюще жестокостью к человеку, и я уверен, что Вы не напрасно похлопочете склонить Михаила Михайловича Стасюлевича быть моим судьей, или экспертом, для опровержения лжеца, нагло объявившего «существенною частью» романа анекдотик, не имеющий с романом никакой связи и даже подлежащий изъятию в расчетах конкретности главной нити повести.

Простите, что я пишу кое-как и не переписываю. Извините моему раздраженному состоянию, с которым я не могу совладать.

Ваш слуга

Никол. Лесков.

P. S. Ответа буду ждать, считая минуты.

Не знакомы ли Вы с г. Скабичевским, и нельзя ли попросить и его, или это лишнее? Пожалуйста, подумайте за меня сами лучше. Может быть, не

пригласить ли тогда г. Страхова?

Н. А. ЛЮБИМОВУ

18 ноября 1870 г., Петербург

Милостивый государь

Николай Алексеевич!

Позавчера я прочел в печати начало своего романа и два дня нахожусь под невыносимейшим для меня впечатлением. Не могу скрыть от Вас (и единственно от Вас), что я никак не ожидал и не мог ожидать выхода своей работы в таком оконфуженном виде. Иначе я, конечно, ни за что и ни при каких обстоятельствах не согласился бы на столь жестокое с нею обхождение. То, что с нею сделано, для меня во все мое литературство, слава богу, еще новость, но, к сожалению, новость столь безотрадная, что я не знаю: чем себя утешить и как поднять к работе мои упавшие руки? Убийственнее всего на меня действует то, что я не могу взять себе в толк причин произведенных в моем романе совсем уже не редакторских урезок и вредных для него изменений. Так: выпущены речи, положенные мною в основу развития характеров и задач (например, заботы Форовой привести мужа к богу); жестоко нивелирована типичность языка, замененная словами банального свойства (например, вместо: «не столько мяса поешь, сколько зуб расплюешь» заменено словом «растеряешь»); ослаблена рисовка лиц (например, не позволено Висленеву чесать под коленом) и даже допущен nonsens[1 - Нонсенс, бессмыслица (англ.).] (разговор о законе, имевший смысл лишь после разговора о разводах – что выброшено совсем во вред). Без всякого неуместного «авторского самолюбия» не могу горестно не сетовать, зачем все это сделано и отчего мне не сказано, что с моею работою будут делать все это?.. Что теперь сотворить и как помочь этому великому для меня горю? Повторяю: у меня пали руки, я не знаю, чем поднять их к работе, – столь все это мне кажется жестоко и столь непривычно!

Крайне расстроенный и огорченный, я не нахожу даже слов, как уместнее выразить Вам мою просьбу помилосердствовать надо мною и не отнимать у меня средства окончить работу с уверенностью, что Вы не отвергаете во мне

известной доли смысла и сознания для того, чтобы соображать материал моей постройки; но сделайте милость, не взыщите с меня за форму моего обращения к Вам и не отнимите у меня совсем руки от дела, дабы как-нибудь хотя одолеть поверье, что я при всем моем тяготении к уважаемой редакции «Русского вестника» должен отказать себе в удовольствии служить ей моими, должно быть мало пригодными, силами.

С совершеннейшим к Вам почтением имею честь быть

Вашим покорнейшим слугою

Н. Лесков.

С. А. ЮРЬЕВУ

5 декабря 1870 г., Петербург

Милостивый государь!

Вчера я имел удовольствие прочесть объявление об издании Вами «Беседы». Объявление это очень меня обрадовало: Вы обещаете журнал в духе, который найдет, конечно, сочувствие всех истинно русских людей. Не имея чести знать Вас лично (хотя и наслышан о Вас от А. Ф. Писемского и П. К. Щебальского), я спешу приветствовать Ваше предприятие и предлагаю Вам иметь в виду мою готовность служить Вашему изданию, если Вы того пожелаете. У меня есть оконченный роман, начинавшийся уже печатанием в «Отчужденных» запятой» и известный довольно многим по этому началу. Он называется «Божедомы». Герои его несколько необыкновенны, – они церковный причет идеального русского города. Сюжет романа, или, лучше сказать, «истории», есть борьба лучшего из этих героев с вредителями русского развития. Само собою разумеется, что ничего узкого, фанатического и рутинного здесь нет. Детали романа нравятся всем, и, между прочим, Мих. Ник. Каткову, но в общей идее он для некоторых взглядов требует изменений, которых, по-моему, он вовсе не

требует. Задача и стремление этого сочинения выражены лучше всего словами Вашего заявления:

«Вселенская Христова истина, сохраненная во всей ее чистоте восточную православную церковь, была просветительницею русского народа с первых веков его истории: под влиянием ее сложились его духовный строй и существенные основы его быта. Мы, согласно истинному духу нашего вероисповедания, ожидаем от полноты братской любви и свободы – всей правды в русской жизни».

Вырезаю этот прекрасный текст и наклеиваю его.

Потрудитесь подумать: не соответствовало ли бы такое сочинение Вашим требованиям, и потрудитесь тоже написать мне пару слов в ответ на мое предложение.

Если Вам подобная работа нужна, то я захватил бы про всякий случай с собою рукопись «Божедомов», когда поеду в конце января к М. Н. Каткову, для свидания с ним по делам ныне печатаемого в «Русском вестнике» моего романа «На ножах». Я бы прочел Вам моих попов и очень бы рад был слышать им Вашу оценку.

С должным к Вам уважением и безмерным желанием успехов Вашему делу имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Николай Лесков (Стебницкий).

Прилагаю при этом мою карточку и адрес.

С. А. ЮРЬЕВУ

18 декабря 1870 г., Петербург

Милостивый государь.

Я вчера получил Ваше почтенное и необыкновенно приятное для меня письмо и сегодня же спешу отвечать Вам. Будьте милостивы, простите мне, что я пишу эти строки даже без условного форменного вступления. Не отнесите этого к чему бы то ни было, кроме желания отвечать Вам скоро, тогда как я не знаю Вашего имени и отчества и, по нездоровью моему, не могу видеть людей, у которых мог бы о них справиться. Надеюсь, что Вы меня простите и не осудите за это, тем более что источник моей нынешней поспешности есть именно то горячее сочувствие Вашему направлению, которое Вы не напрасно увидели в моих первых строках. Будем ли мы трудиться вместе или нет, я навсегда сохраню дорогой для меня Ваш отклик на мое письмо. Я действительно горячо сочувствую Вашему направлению; я верю в его святое и высокое значение; я чту достойнейших людей Вашей партии (чести которых, к досаде своей, не умаляют даже и предатели отчизны), и я всегда тяготел к Вашему стягу, но я вышел на литературную работу тогда, когда «Русская беседа» уже не существовала, а к газетной работе я мало способен. Весть о Вашем журнале – весть радостнейшая для меня, и я хочу и готов приложить все мои силы и все мое старание для того, чтобы по возможности содействовать успеху Вашего издания. Благодарю Вас, что Вы сами «зачли меня своим сотрудником» – я буду им со всеми моими способностями и любовью к нашему честному и святому влечению служить родине словом правды и истины. Благодарю Вас искренно, горячо, ото всего моего простого и нестерпимо болящего за родину сердца!

Что же бы Вы хотели и что бы я мог сделать для Вашего издания так, чтобы участие мое принесло Вам как можно большее подспорье?.. Позвольте оговорить об этом. Я, конечно, очень сжато выразился, говоря Вам в первом моем письме о романе «Божедомы». Продолжать его нельзя, и его надо напечатать весь сполна, то есть повторить прежде напечатанные 7 листов, дав их не в счет абонемента подписчиков, и потом продолжать. Само собою разумеется, что бывшие уже в печати 7 листов должны идти бесплатно, без всякого авторского гонорария, как и предполагалось сделать в «Русском вестнике». Таким образом, у Ваших читателей будет весь целый роман, или, как он у меня назван, «история лет временных», но прежде напечатанная доля этой истории пойдет Вашему изданию бесплатно, и Вы потратитесь лишь на излишние листы, если захотите дать это особым приложением (в чем, кажется, нет и необходимости потому, что Вы не связываете себя объемом книг). «Божедомы» готовы давно, но их все-таки нужно будет пересмотреть и кое-что поизменить, кое-что выкинуть, кое-что вставить. Я это сделаю, как немножечко пооблегчусь в работе с оканчиваемым мною романом для М. Н. Каткова, и тогда увидимся и переговорим. Если же

угодно, то я пришлю Вам половину рукописи, но это только в том случае хорошо, если рукопись эта Вам нужна скорее, чем я могу быть в Москве (в феврале). Напишите мне, и я сделаю так, как Вам лучше.

Далее: пять лет тому назад по поводу толков «о призвании женщины» и кривотолков о русской женщине с верою и упованием, которые были осмеяны, мне пала в голову и в сердце неотвязная мысль изобразить в живом очерке: мешают ли эти злополучные вера и упования истинной свободе чувства и независимости женщины? В обдуманном плане я уложил целую эту идею в повесть, снабдив ее и кличкой по шерсти. Повесть эта должна быть названа: «Марфа и Мария». При этом библейском названии во главе повести идти и евангельский эпиграф: «Марфо, Марфо, печешися» и пр. Отсюда, я думаю, Вам уже понятно, что будет сказано в этой повести? Она еще не писана, но весть о Вашем журнале и особенно радушное письмо Ваше говорят мне, что ей пора писаться и поспевать к Вам. Не откажитесь мне ответить: нравится ли Вам мой замысел поделить наших современных соотечественниц на «Марф и Марий» и показать всю тщету их «марфунства» при несомненной ясности пути Марий? С получением Вашего ответа я немедленно начну повесть и надеюсь, что напишу ее скоро с любовью и с желанием дебютировать в Вашей «Беседе» с достойной вещью.

И еще далее: я и еще могу и желаю служить Вам. У меня есть «влечение, род недуга» считаться с общественным настроением и шарлатанством наших лицедеев, для чего так удобен род фельетонного писания, но, конечно, не такого, какой принят петербургскими газетами. В Москве этим вовсе пренебрегают, и совершенно напрасно. Припомните фельетонный пошиб Гейне и Герцена – какая это прекрасная форма и какая ловкая и удобная! Я не хваюсь, что я могу сделать это так же, как они, но я много раз пробовал, и, кажется, моя попытка была не без удачи, – таковы некогда «Русские обществ<енные> заметки» в «Биржевых ведомостях», где я искал случая восстать против пошлой радости по случаю предостережения, данного Каткову; некоторые статьи бывшей «Северной пчелы» против Герцена и «Русское общество в Париже» в «Библиотеке для чтения» Боборыкина. Я люблю между большою работою ловить мимолетный случай жизни, получающий ложное освещение и толкование, с тем чтобы дать ему освещение подлежащее и толк по разуму и по совести. В «Современной летописи» М. Н. Каткова Вы на сих днях увидите такие мои очерки, озаглавленные общим заголовком: «Смех и горе», которые будут подписаны вымышленным именем «Меркул Праотцев». Не хотите ли иметь от меня раз в месяц письмо о петербургской общественной жизни? Конечно, это будут письма не о балах, новостях и скандалах (о чем я мало и знаю), но это

будет летопись заблуждений, ошибок, неправд и грехов общественного неразумия и злобы по делам якобы текущего дня. Я просил бы себе для этого в журнале от листа до двух в месяц, а там увидим, как будем нравиться. О том же, что мы сойдемся во всех воззрениях, я считаю излишним и говорить. Благоволите ответить мне и на этот вопрос, и если ответите скоро, то я, может быть, еще успею прислать Вам письмо для первой Вашей книжки.

Теперь о Вашем издании: здесь его ждут и говорят о нем – конечно, каждый по-своему. Преобладающее мнение то, что Вас «нахлопнут». Дай боже, чтобы эта беда Вас минула. Надо больше змеиной мудрости, больше! Потом: литературщики трубят, что Вы одни, без людей. Надо бы вначале статей уважаемых людей вроде Ив. Серг. Аксакова, Юр. Самарина и других, которые с Вами заедино. Их статьи сразу окрасят издание и подсекут толки вредителей. Безмерно жаль, что Вы запоздали с Вашим объявлением, и дай бог, чтобы это было только с объявлением... Опыт «Вестника Европы» показывает, как много значит в нашем малоразборчивом обществе своевременность выхода книжек... Трудно поверить, до чего дорого ценит это провинция и особенно читатели захолустий! Пока он разберет, что ему прислали, он не нарадуется и не нахвастается, что ему уже прислали нечто.

Помогай Вам бог на все доброе и достойное Вас и Ваших благородных и благомыслящих родине друзей.

Ваш слуга

Николай Лесков.

Не откажите, пожалуйста, высылать мне экземпляр «Беседы», адресуя ее «в Петб., Ник. Семенов. Лескову, Фурштатская, № 62».

Не укажете ли мне в Петербурге лица, через которое я мог бы сноситься с редакцией, не вверяя рукописей легкой почте, при чем легко возможны потери и проч.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

19 декабря 1870 г., Петербург

Это прекрасно, достойнейший Петр Карлович, что Вас «учили писать письма». Я сам тоже очень рад, что обучен этому и беру еще уроки у Вас: говорю сначала о Ваших поручениях.

Письмо Ваше страдает неполностью, точно Любимов «приготовил его к печати». Я не вижу из него, получили ли Вы два мои письма, в которых я подробно описывал Вам причины незадачи с Вашими депешами и затруднение со статейкою. Мне будет очень жаль, если все это остается Вам неизвестным во всей курьезной полноте, несколько облегчающей меру вины Усова и Трубникова, которые затем уже могут быть названы только свиньями, и то с значительными преимуществами на долю последнего. Усов виноват менее, хотя ему, разумеется, пора бы знать своего премудрого принципала и надо бы знать, что образованные люди обыкновенно отвечают на письма, как отвечают на вопросы в разговоре. Но черт с ними, в самом деле!

Я сегодня ездил с Вашим счетом, отдал его кассиру и просил поверить (как это у них водится) и высчитать, сколько Вам следует за корреспонденцию, пошедшую передовую статью. Усова я сегодня не видал, а Трубникова предпочитаю не видеть вовсе. Деньги Ваши или обяжу послать Вам немедленно, или же вытребую и сам Вам отошлю, разумеется тоже немедленно. При этом, конечно, не лишу себя удовольствия и поговорить об их вежливости и любезности к заслуживающему уважения человеку. На ближайших днях отпишу Вам об этом подробно. Не знаю, что из этого выйдет, но не думаю, чтобы они «не дорожили» Вашим сотрудничеством. Нет, это просто дурь и совершенное равнодушие к настоящим достоинствам дела. Я Вам писал об отзывах Усова и еще раз сожалею, что это письмо пропало. Я буду в начале речей «мудр яко змий и незлобив яко голубь», а там увижу: пойдут ли они на поправку, или пора с ними совсем расплеваться. Может быть, еще и пойдет дело!

Теперь о своей рубашке. Я совершенно согласен с тем, что Вы говорите о печатании повести в «Летописи». Это действительно будет меледа, а не печатание, и для меня гораздо лучше видеть ее в «Русском вестнике», но только не по окончании романа, ибо в повестушке той много вещей, имеющих интерес временный, да и потом роман при их делении не может кончиться ранее пяти

или шести месяцев. Надо печатать повесть или в журнале с псевдонимом «Меркул Праотцев», или же в «Летописи» с моею настоящею фамилиею, но во всяком случае немедленно, не ожидая окончания романа. К тому же, если и печатать ее в «Русском вестнике» тотчас за романом, то не все ли равно будет тянуться мое имя? Нет, бога ради скорее! Там ли, сям ли, но скорее, а то она уж и так выдыхается, да и мне позарез нужны деньги, а их мне дают с крайнею осторожностью. Устройте, пожалуйста, повесть, как сами заблагорассудите, но лишь бы она не лежала. Мне, конечно, лучше и приятнее видеть ее со своим именем, но и это предаю во власть Вашу. Об ней было столько переговоров, что я сам уже не нахожу удобным снова еще раз переговариваться, и все, что Вы с нею учините, приму то за благо и ни против чего спорить и прекословить не буду. (Я думаю, что ведь гонорарий одинаков что в «Летописи», что в журнале. Это тоже важно.) В повестушке в начале, кажется, надо бы кое-что сдвинуть, сконкретовать... Мне помнится, таково было и Ваше мнение, да и я то же думаю, но только прошу Вас не отказаться взять это дело на себя. Пожалуйста, возьмите ее к себе! Скромностью Н. А. Любимова Вы напрасно кичитесь (с его слов, разумеется). Это просто ужасный человек, Атилла, бич литературы!.. Он что же делает-с? – он черкает не рассуждения, не длинноты, а самую суть фабулы!! Он обворовал Ларису ни за что ни про что, и именно в ноябрьской книжке, в разговоре Форовой с Синтяниною у реки. Раз показано было, что «Лора роковая и скрывает в себе нечто, а может быть и ничто», – далее: старик генерал о ней говорит, что «ее, как калмыцкую лошадь, один калмык переупрямит», – это все нужные, необходимые ригурнели, и их нет, и зачем их нет, это один черт знает! И добро бы это были длинноты, – нет, это говорилось в кратчайших словах... То есть просто черт его знает, чего он хочет и из чего, из какого шиша я теперь сделаю эту Ларису? Отчаяние полное и бесконечное! Я готов бросить роман недописанным, потому что все равно боюсь, что сей профессор с его резвыми руками совсем меня спутает, и романа станет нельзя свести с концом. Я хотел ему было писать, Да боюсь, то ли напишу, что следует. Ну, художник! ну, «приготовитель к печати!» Недаром Вы запугали всех людей, тяготеющих к Вам по своему направлению. Это спаси и сохрани господи злого татарина, а не только Ф. Берга, который дописывает свою повесть, но едва ли пойдет на любимовские пытки.

Потом, что за корректура! В разговоре попа о травах «алиела» вместо «омела», «родилища» вместо «родимца»... Эко толково! И еще: поп на приглашение Висленева выпить вина говорит: я вина никакого.

– Ну, хересу, – просит Висленев.

– Ну, разве ксересу, – отвечает поп.

Этот ксерес, разумеется, не сдуру же был поставлен вместо хересу, а для выработки типичности в языке доброго Евангела, так г. Любимов и это изволили поправить!.. Ах, сказал бы я ему за это словцо, встретья его на улице, да боюсь не позабыть бы, пока встретимся, ибо он столь мил, хорош, и прочее, и прочее.

Помогите, ради бога, если чем можете подействовать на сего ужасного оператора!

Здесь романом заинтересованы очень сильно. Хотелось бы знать: как в Москве?

Вашего «Шишкова» прочел с удовольствием и интересом большим. Я, впрочем, всегда читаю все, что Вы пишете, и занимаюсь не одним «интересом», но и способом Вашего обращения с людьми и манерою писания, которую очень люблю. Сторонних отзывов пока еще не слыхал, ибо сижу дома и точку веретена, которые Любимов в свое время потщится позатупить.

Сегодня пишу ему несколько строк о распределении частей и не вхожу ни в какие иные объяснения, – боюсь быть «увлекательным».

От Юрьева вчера получил письмо не только радушнейшее, но даже лестное, – я не полагал, чтобы они меня так знали, как вижу из его письма. Я сегодня уже отвечал ему с благодарностью и полною готовностью служить им чем могу. Корреспонденции я, думаю, буду писать им, и потому нет нужды посылать никакого пробного письма.

Веру Петровну благодарю, что она читает мой роман. У нее такое удивительно четкое лицо, что я в жизнь мою не видал ничего подобного ее выражению, и думаю, что она должна видеть полтора аршина под землю. Будущей героине повести, которую завожу для «Беседы», подарю ее благородные черты, так как Любимов мне не позволил и живописать мою видящую под землю генеральшу.

Кланяюсь Вам, чтимый, уважаемый и преданно мною любимый Петр Карлович, и прошу Вас ждать от меня на сих днях и Ваши деньги и отчет о моих объяснениях.

Ваш слуга

Н. Лесков.

P. S. Нет; решил совсем не писать Любимову! Потрудитесь ему сказать одно, что я прошу обе книги второй части назначить самостоятельными частями, что совершенно необходимо после уничтожения им деления частей на книги, ибо 1-я книга II части (где изображен современный нигилистический Петербург) не должна сливаться со 2-ю книгою той же части.

Третью часть я тоже разбиваю на две, и роман таким образом выйдет в пяти частях.

Усердно Вас прошу передать это.

Н. Л.

Письма 1871 года

С. А. ЮРЬЕВУ

6 января 1871 г., Петербург

Милостивый государь

Сергий Андреевич!

Вы увлекли меня Вашим письмом до некоторой восторженности, под влиянием коей я написал Вам длинное письмо с целым рядом благожеланий искренних и предложений всяческих (может быть, наполовину вовсе неуместных). Теперь при свидании в Петербурге с Ал. Феофил. Писемским я имел случай узнать кое-что более о духе и направлении, которых Вы намерены держаться в Вашем журнале, и еще более радуюсь появлению этого издания, еще более единомыслию с ним и еще более ему сочувствую и желаю служить ему. О беллетристических работах мы поговорим с Вами при личном свидании, так как я около половины февраля рассчитываю быть в Москве, но мне хотелось бы и даже совершенно необходимо знать: по обычаю ли Вам мое предложение писем из Петербурга (смешанного полубеллетристического характера)? Я говорил об этих письмах с Алексеем Феофилактовичем, и он одобряет мой замысел для Вашего журнала, и, надеюсь, одобряет не из вежливости лишь и любезности. Пожалуйста, при свидании с ним потрудитесь решить, нужны ли Вам такие письма в размере от листа до полутора листа в месяц, и не откажите мне в удовольствии получить определительный ответ на этот вопрос.

Повесть для «Беседы» я заделал и, верно, предложу ее летом на Ваше обсуждение, а план ее сообщу Вам в феврале. Название же повести будет, как я писал Вам, «Марфа и Мария». Если бы Вы пожелали объявить о ней (если будете это делать), то, конечно, с моей стороны никаких претензий против этого нет, потому что повесть эту я не предложу никому прежде Вас.

С глубочайшим сочувствием к Вашему делу и с почтением к Вам имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Никол. Лесков.

P. S. В «Современной летописи» идет мой фельетонный рассказ. Пожалуйста, взгляните в него: он может дать понятие, что я могу «возделывать» в моих письмах. Письма я, переговорив с А. Ф., полагаю подписывать или буквами, или всем собственным моим именем, без новой маски.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

14 января 1871 г., Петербург

Вы, вероятно, уже знаете, достойнейший Петр Карлович, о беде, постигшей сообщенное мною сведение о св<ященнике> Смирнове. Поистине понять не могу, что это такое может значить, и, прилагая при сем ответ на полученный мною запрос от редакции, усердно прошу Вас передать эти строки Михаилу Никифоровичу. Я жду ответов из Ревеля скоро и надеюсь восстановить правду сообщенных сведений, ибо ошибка здесь решительно невозможна.

Посылаю это на Ваше имя потому, что так мне кажется надежнее, а Вы, пожалуйста, на меня не сердитесь за это.

«Смех и горе» сконкретованы прекрасно. Если это Вы делали, то усердно благодарю Вас. Жаль, конечно, что все это дается по таким маленьким кусочкам. Нельзя ли, чтобы хоть следующий кусочек был целым эпизодом московских походов героя, то есть по старому делению глав до XX главы. Эго было бы мне очень желательно.

Кроме того, земно Вам кланяюсь и прошу Вас неотступно вложить в уста голубого купидона несколько раз слова «простенько, но мило». Так, я желаю, чтобы он, говоря о том, как устроил свою квартиру, сказал: «оно, конечно, простенько, но мило». То же самое он должен употребить, говоря о доме своей хозяйки, об исправленном им зонтике, о комнате Ватажкова и о том, как он, не имея настоящей наблюдательности, решился донести на него «простенько, но мило». То же самое надо сделать и далее везде, где купидон подводит приятеля. Не откажитесь, пожалуйста, если только возможно, взять корректуру и добавить эти словечки в подлежащих местах по Вашему усмотрению.

О романе не хочется и говорить: Горданову не позволяют быть во фраке, когда он охуждает неуклюжий сак Базарова; корректура ужасная; получаю книги через две недели, между тем как другим присылали корректурные листы... Нет; видно уж не везет! Пишу далее, как сухой мерин борозду гоню, чтобы кончить, да и к стороне.

Про Вашего Сушкова заговорили. Слышал от литераторствующих цензоров, что «это уж слишком». В «Биржевых в<edomостях>» фельетонист процитировал Вашу статью и, по фельетонному обычаю, скрыл источники, но Красовский

вообще стал у газетчиков притчей во языцех.

Ужасно скучаю, что не могу исправить Вам никакой службы и лишен удовольствия видеть Ваши строки, служившие мне доказательством Вашего лестного мне внимания.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Р. S. Алексей Филатыч приезжал сюда кряхтеть и сетовал, сколь тягостно ему было получать деньги с К<ашпире>ва. «Главное дело, – говорит, – все это, братец, надо помнить, что есть у тебя вексель; надо его в срок протестовать; десять дней грации спушщать... ведь это все беспокойство!» Да и впрямь так, хотя едва ли это главное.

За роман меня в «Петерб<ургских> ведом<остях>» выругали, а впредь еще не того ожидаю. Подписка у всех прекрасная, кроме «Зари» и «Нивы», – так глаголет Баунов. По отзывам «Летучей библиотеки», роман мой читается нарасхват и с азартом, даже превосходящим мои ожидания. Читают ли «Смех и горе»? Пожалуй, повестушка эта так и кокнет, как разбитое яйцо в яичницу, во всяком случае, впрочем, весьма почтенную и вкусную. Я думаю, по таким маленьким кусочкам невозможно читать, а потом забудется, да так и не прочтется.

Спеша успокоить редакцию, я тотчас же по получении сегодня их письма послал им депешу и сказал, что письмо следует. Получили ли они депешу? Прилагаю квитанцию.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

2 февраля 1871 г., Петербург

Достойнейший Петр Карлович!

В пополнение всех неудач со «Смехом и горем» в печатании этой повестушки начался перерыв. Вот уже в двух номерах ее нет, и я ничего не знаю о причинах этого смеха и горя с «Смехом и горем». Усердно прошу Вас, не осудите меня за назойливость и, пожалуйста, черкните мне два слова, как намерено начальство поступить с этою злополучною моею работою? Вы, конечно, поймете, как мне, рабочему человеку, нелегко все это видеть, сносить и не уметь помочь себе ничем?

Пожалуйста, пособи́те и не оставьте меня в неведении.

Трубников потерял и последнего профессора Предтеченского, а с ним и всех отцов церкви. Теперь он «проклят».

Ваш слуга

Н. Лесков.

Для «Беседы» не только начал, но даже кончаю работу и за то от них не получаю теперь ни слова. Работу сию, надеюсь, позвольте прочесть Вам.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

11 февраля 1871 г., Петербург

Ваше превосходительство меня, читателя своего, изволили уязвить напрасно, назвав меня «чадолюбивым отцом своих творений», тогда как я их чуть ли не как щенят закидываю (чего и не поставлю себе в похвалу, а наипаче в покор и порицание). Но зато и я смею на отместку «язвануть» Вас, уважаемый и достойнейший протектор мой, Петр Карлович. Вы писали мне, что «от Усова никакого письма не получали», – это так; но Вы прибавили, что «и не

получите», – в этом Вы ошиблись. Не все, значит, делается и по Вашему. Сегодня я был «у них», в камере, оставленной «отцами», и говорил с ними насчет книжки «Письма о Киеве» Максимовича, которую меня просят проблаговестить (чего, кажется, и от Вас ожидает Ваш ветхий деньми хранитель голенищ ярославлевых и дву тьму новейших динариев, пенязей и златниц, то есть М. П. Погодин, отправивший Вам экземпляр этой в самом деле интересной книжки). При разговоре со мною «они» заявили удивление: почему-де Щ<ебальский> нам не хочет давать передовых статей? На удивление это я отвечал сугубым удивлением и умеренною нотациею, добавив при сем, что мне от Вас запрещено даже и говорить об этом. Усов был моими словами крайне переконфужен и просил меня «поправить это дело»; а я ответил, что не я его испортил и не мне его поправлять, ибо я тут и сам не на радостях, краснея за них перед человеком, достойным всякого почтения. Поговорили смачно. После того Усов спросил моего мнения: поправится ли дело, если он напишет Вам сознание своей вины и попросит о возобновлении сотрудничества? Я отвечал, что ни за что не ручаюсь, но извинение есть их долг перед Вами. Тут Усов вскочил и написал Вам извинение, которое я прочел: оно не складно, но полно. Перестаньте, пожалуйста, сердиться и пишите им! Теперь их редакция на Литейной, и я, ходя гулять, всегда могу заносить Вашу работу, и наблюдать за ней, и производить настояния и взыскания. От Т<рубникова> же письма ждать нельзя, потому что он практиковать это рукомерло конфузится... (Это истина!) Ему гнусные Ъ досаждают, и зачем же его «изнурять», как героиню романа Писемского? Не вводите в искушение его милую застенчивость и преложите гнев на милость, по покаянному канону одного Павла Усова. Роман Писемского жив, но, по-моему, похабные места можно бы к черту, и это делу бы не помешало. Что за радость такая гадость? При девушках читать невозможно, и я именно на этом и попался. Достоевский, надо полагать, изображает Платона Павлова, но, впрочем, все мы трое во многом сбились на одну мысль. Статьи «Беседы» мне не понравились. Вы правы – это, говоря по-гамлетовски, всё «слова, слова и слова». Особенно такова перепичканная всяким шпигом статья Юрьева. «Чего ради трата сия миру бысть?» Подписка их у Базунова, однако, двинулась, но библиотеки на них ропщут, и «Летучая библиотека» (самая сильная) показывала мне письмо, подписанное Майковым, но содержащее «слова» и бестолковщину. Я ничего не понял... Жду Вашего ответа.

Лесков.

Г. БЕННИ

<4 марта 1871 г., Петербург>

Господин пастор! Я близко знал и считал своим другом брата вашего Артура Бенни, бесчестно оклеветанного в Петербурге, и Вы, вероятно, знаете немножко о моей с ним приязни. Это чувство внушило мне мысль восстановить его поруганную честь подробным рассказом об его пребывании в России. Рассказ этот напечатан в прошлом году в одной из петербургских газет («Биржевые ведомости»). Он принес свою долю пользы, но и возбудил со стороны злонамеренных людей новые толки не в пользу покойного брата Вашего, и даже во вред мне. Все это стало делом чести Вашего семейства и моей. Я решился вновь повторить печальную историю Артура, но уже не в газете, а отдельною брошюрою в десять листов, которая уже печатается и выйдет в свет без предварительной цензуры. Зная об этом моем намерении, Иван Сергеевич Тургенев написал мне письмо, в котором, одобряя мое «хорошее и честное» (по его словам) заступничество за поруганную память покойного Артура, обещал, тотчас по выходе этой брошюры, поддержать слова мои и, с своей стороны, запротестовать таким образом против укоризн, оскорбляющих неповинного члена Вашей семьи. Книгу мою я посвящу Вашей матушке и Вашему семейству, которое уважаю и люблю по Артуру. Не оставьте сообщить об этом уважаемой матери Вашей и соблаговолите известить меня о ее имени и согласии. В книге я предпошлю письмо к Вашей матушке. Если при всем этом Вы не откажетесь сделать мне какие-либо указания, нужные для моего сведения, или почтите меня строкою от Вас или от Вашей матушки – разумеется, строкою, властною содействовать восстановлению доброго имени Артура, – то, как бы ни коротка была эта строка, я дам ей самое почетное место в моей книге. Я считал бы это даже необходимым, дабы положить конец толкам, кто таков был Л. Бенни, так как об этом до сих пор еще спорят и желают видеть в нем какого-то «Бениславского». Во всяком случае, позвольте надеяться, что вы удостоите это письмо мое ответом в самом непродолжительном времени.

Ваш, милостивый государь, покорный слуга

Н. Лесков.

А. С. СУВОРИНУ

5 марта 1871 г., Петербург

«Коварный, но милый» благоприятель

Алексей Сергеевич!

Исполняя мое вчерашнее обещание, посылаю Вам четыре книжки «Русского вестника», в которых напечатаны две первые части моего романа. Прочтите, судите и «ругайте», если добрая совесть Ваша укажет Вам, за что «ругать» следует. Посылаю тоже четыре № «Современной летописи», в коих напечатана другая моя литературная безделка. Ее в Петербурге «просмотрели» (то есть не заметили), а ее тоже стоит, может быть, «обругать», а может быть, и нет. Во всяком случае, пожалуйста, пробежите ее. Тут поставлено: («окончание»), но это ошибка – будет еще отрывка три или четыре.

О делах буду писать Вам завтра.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

5 марта 1871 г., Петербург

Уважаемый Петр Карлович!

Хотите ли Вы или не хотите, но Вы упорно заставляете меня не только чтить, но и любить Вас, как никого не любил с дней моей юности! Вы сделаете меня безмерно счастливым, если позволите мне хранить в моей душе это чувство, дающее мне прекрасные и высокие минуты. Ваше слово меня животворит, одушевляет и поддерживает. Благодарю Вас, и несказанно благодарю, за все, а наипаче за внимание к моим работам, за поощрение, за совет, за указания. После покойного Дудышкина ко мне никто так не относился, и я никогда этого не забуду. Я слаб, я, на горе мое, слишком болезненно все чувствую, и поддержка для меня так дорога, что Вы не можете себе этого представить!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Нонсенс, бессмыслица (англ.).

Купить: <https://tellnovel.com/nikolay-leskov/perepiska>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)